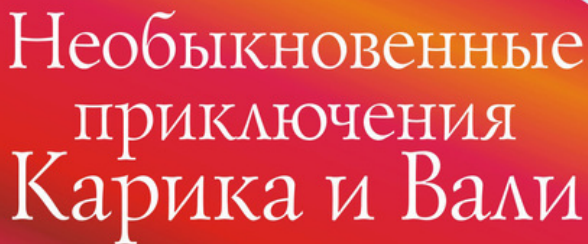

A decorative border at the top of the page features a green dragonfly on the right, a brown beetle on the left, and various green leaves and pink flowers. The author's name is written in green capital letters.

ЯН ЛАРРИ

A large, irregular banner with a red-to-orange gradient background, containing the title text in white serif font.

Необыкновенные
приключения
Карика и Вали

Ян Леопольдович Ларри Необыкновенные приключения Карика и Вали

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21992401

Необыкновенные приключения Карика и Вали / Я. Ларри; ил. А.

Чукавина, И. Чукавиной: АСТ; Москва; 2015

ISBN 978-5-17-085987-0

Аннотация

«Необыкновенные приключения Карика и Вали» – повесть об обычных детях, брате и сестре, оказавшихся в необычном мире. Вместе с профессором Иваном Гермогеновичем Енотовым они попадают в травяные джунгли и по пути домой узнают много нового, удивительного и даже странного о, казалось бы, таком обычном и знакомом мире насекомых. А великолепные красочные иллюстрации А. и И. Чукавиных делают эту повесть ещё увлекательней.

Для младшего школьного возраста.

В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	35
Глава третья	62
Глава четвертая	82
Глава пятая	105
Глава шестая	124
Глава седьмая	144
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Ян Ларри
Необыкновенные
приключения
Карика и Вали

© Ларри Я. Л., насл., 2013

© Чукавин А. А., иллюстрации, 2015

© Чукавина И. А., иллюстрации, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава первая

Неприятный разговор с бабушкой. Мама беспокоится. Джек идет по горячим следам. Странная находка в кабинете профессора Енотова. Таинственное исчезновение Ивана Гермогеновича

В тот час, когда мама накрывала белой скатертью стол, а бабушка резала хлеб к обеду, и произошли эти очень странные, удивительные, невероятные события. Именно в это время Карик и Валя уже летели высоко над городом в неизвест-

– Ну как же, – заворчала бабушка, – так они и спешат. Им, поди, не до обеда теперь. Ты обедать их зовешь, а они, может быть, в затыжные прыжки играют. Им, может, не обед нужен, а «скорая помощь».

– Какие еще затыжные прыжки? Да и зачем им «скорая помощь»?

– Да мало ли что может случиться с непослушными детьми, – сказала бабушка.

Она взяла клубок шерсти, вытащила из кармана фартука вязальные спицы и длинный, недовязанный шерстяной чулок. Спицы засновали в ее руках, вытягивая из клубка толстую шерстяную нитку.

– Ты Валерика знаешь? – спросила бабушка.

– Какого Валерика?

– Да один он у нас во дворе... баловник. Сынок управхоза. Ведь что надумал... Достал где-то большой зонтик, устроил из него парашют и сиганул с балкона пятого этажа, как воздушный десантник.

– Ну и что?

– А ничего особенного. Зацепился штанами за трубу и повис вниз головой. Висит и орет. Вызвали, конечно, «скорую помощь». Врач посмотрел и побежал звать пожарную команду. С полчаса, наверное, висел... Ну, сняли, конечно. А он уж весь синий. Еле дышит. Врач ему и массаж сделал, и укол, а надо бы его ремешком полечить, чтобы не баловался боль-

ше. Вот какие они озорные теперь... Когда я была маленькой...

– Ах, – сказала мама, – Карик и Валя не будут прыгать с зонтиком. У нас ведь и зонтика-то нет.

– Ну, знаешь, ребята могут придумать что-нибудь и похуже зонтика. Вон в соседнем дворе один безобразник изобрел подводную лодку. Сколотил ее из бочки и опустил в яму с водой. Хорошо еще, что погружение это дворник заметил. Еле откачали озорника. А то недавно еще трое космическую

ракету запустили. Одному зубы выбило, а двум другим...

– Нет, нет, – замахала руками мама. – Не надо! И слушать не хочу... Ну что вы, в самом деле, пугаете меня.

И она снова подошла к окну и снова крикнула:

– Карик! Валя! Идите обедать!

– Когда я была маленькой... – начала бабушка.

Мама отмахнулась нетерпеливо:

– Да вы уж сколько раз рассказывали об этом. Они не ска-
зали вам, куда собираются пойти?

Бабушка сердито пожевала губами.

– Когда я была маленькой, – сказала она, – я всегда гово-
рила, куда иду. А теперь такие дети растут, что хотят, то и
делают... Хотят – на Северный полюс едут, а то и на Юж-
ный... Или, например, передавали недавно по радио...

– Что, что передавали? – поспешно спросила мама.

– А ничего! Утонул какой-то мальчик! То и передавали.

Мама вздрогнула.

– Ну, – сказала она, – это... это вздор! Карик и Валя не
пойдут купаться!

– Не знаю, не знаю, – бабушка покачала головой, – купа-
ются они или не купаются, не скажу, а только давно пора обе-
дать, а их все нет и нет. Где они?

Мама провела ладонью по лицу. Не говоря ни слова, она
быстро вышла из столовой.

– Когда я была маленькой... – вздохнула бабушка.

Но что делала бабушка, когда была маленькой, мама так

и не узнала: она уже стояла посреди двора и, щуря глаза от солнца, оглядывалась по сторонам. Посреди двора, на желтой песочной горке, лежал зеленый совочек Вали, рядом валялась выцветшая тюбетейка Карика. И тут же, вытянув все четыре лапы, грелся на солнышке рыжий толстый кот Анюта. Он лениво жмурился и так вытягивал лапы, словно хотел подарить их маме.

– Где же они, Анюта?

Кот сладко зевнул, взглянул на маму одним глазом и перевернулся лениво на спину.

– Ну куда же, куда они делись? – бормотала мама.

Она прошлась по двору, заглянула в прачечную и даже посмотрела в темные окна подвала, где лежали дрова.

Ребят нигде не было.

– Ка-ари-ик! – еще раз крикнула мама.

Никто не отозвался.

– Ва-а-аля! – закричала мама.

«Ав-ав-гав-гав-гау-у!» – взвыло где-то совсем рядом.

В боковом подъезде сильно хлопнула дверь. Во двор, влопча за собой гремящую цепь, выскочила большая остро-мордая собака овчарка. Жирный кот Анюта одним прыжком взлетел на поленницу дров. «Тссс! – зашипел он, поднимая лапу. – Прош-ш-шу не ш-ш-шу-уметь!»

Собака гавкнула сердито на Анюту, с разгона взлетела на горку и стала кататься по песку, поднимая густые столбы пыли, потом вскочила, отряхнулась и с громким лаем бросилась на маму.

Мама отскочила в сторону.

– Назад! Нельзя! Пошел прочь! – замахала она руками.

– Джек! Тубо! К ноге! – раздался из подъезда громкий голос.

Во двор вышел, переваливаясь, толстый человек в сандалиях на босу ногу, с дымящейся папиросой в руке. Это был жилец четвертого этажа – фотограф Шмидт.

– Ты это что же, Джек? А? – спросил толстяк строго и погрозил толстым пальцем. Джек виновато вильнул хвостом. – Экий дурень! – засмеялся фотограф.

Притворно зевая, Джек подошел к хозяину, присел и, звеня цепью, старательно почесал задней лапой шею.

– Хорошая погодка сегодня, – приветливо улыбнулся толстяк, обращаясь к маме. – Вы не собираетесь на дачу? Самое время теперь – грибки собирать, рыбу ловить.

Мама взглянула на толстяка, на собаку и недовольно сказала:

– Опять вы ее, товарищ Шмидт, без намордника выпустили. Ведь она же у вас настоящий волк. Так и смотрит, как бы кого цапнуть.

– Это вы про Джека? – удивился толстяк. – Ну что вы! Мой Джек и ребенка не тронет. Он смирный, как голубь. Хотите погладить его?

Мама махнула рукой.

– Ну вот, только и дела у меня что собак гладить. Дома обед стынет, в комнатах не прибрано, а тут еще ребят дозваться не могу... И куда пропали – не понимаю. Ка-а-арик! Ва-а-аля! – снова закричала она.

– А вы приласкайте Джека, попросите его хорошенько. Скажите ему: «Ну-ка, Джек, разыщи поскорее Карика и Валию». Он их мигом найдет.

Шмидт наклонился к собаке, потрепал ее по шее.

– Найдешь, Джек?

Джек тихонько взвизгнул и, неожиданно подпрыгнув, лизнул фотографа в губы. Толстяк отшатнулся, брезгливо сплюнул и вытер губы рукавом. Мама засмеялась.

– Напрасно смеетесь, – сказал Шмидт. Кажется, он очень обиделся. – Мой Джек великолепная ищейка. Дайте ему понюхать какую-нибудь вещь Карика или Вали, и он найдет их, где бы они ни были. Это же премированная ищейка. Он идет по следам человека, как паровоз по рельсам. Дайте ему что-нибудь: игрушку ребят, рубашку, тюбетейку – и вы сами увидите, какой он замечательный следопыт.

Мама нерешительно пожала плечами, однако, подумав, наклонилась, подняла с земли зеленый совочек Вали и тюбетейку Карика.

– Ну что ж, – сказала она, – пусть понюхает. Это вещи моих ребят.

– Прекрасно! – потер руки Шмидт. – Замечательно! Очень хорошо!

Он сунул под нос Джека совочек и тюбетейку.

– Ну-ка, Джек, – скомандовал Шмидт, – покажи, как ты умеешь работать. Ищи, Джек! Ищи, собачка!

Джек взвизгнул, пригнул голову к самой земле и, вытянув

хвост, побежал по двору широкими кругами. За ним бодро мчался фотограф. Добежав до поленницы дров, Джек остановился и вдруг, подпрыгнув, встал на задние лапы, а передние положил на поленницу. Нос Джека очутился перед мордой кота Анюты.

«Р-р-ра-аз-зо-ор-р-р-ву!» – зарычал Джек.

Кот вскочил, изогнулся в дугу и, сверкнув зелеными глазами, зашипел как змея: «Меня? Ш-ш-ш-али-ш-ш-шь!»

Джек попытался схватить его за хвост. Кот ощерился и закатил Джеку такую оплеуху, что бедный пес завизжал от боли и от досады, но тотчас же оправился и с громким лаем снова кинулся на Анюту. Кот зашипел еще громче, поднял лапу и закричал на своем кошачьем языке: «Пош-ш-ш-шел вон! Заш-ш-ш-ш-шибу!»

– Ну-ну, довольно, Джек, – сказал сердито фотограф. – Не отвлекайся! – И он так сильно натянул поводок, что собака присела на задние лапы. – А теперь ищи!

Сердито тьякнув на кота, Джек побежал дальше. Он обежал весь двор, остановился у водосточной трубы и, шумно втягивая ноздрями воздух, посмотрел на хозяина.

– Понятно! Все понятно, Джек! – кивнул головою фотограф. – ты хочешь сказать, что они сидели тут и, наверно, играли с Анютой? Прекрасно! Но куда же они пошли отсюда? Ну? Ищи, ищи, собачка!

Джек заюлил, завертелся волчком, поскреб лапами землю под трубой, потом с громким лаем помчался к парадному подъезду.

– Ага, ага, вы видите? – крикнул Шмидт. – Он уже напал на след.

Шаркая сандалиями, фотограф вприпрыжку побежал за собакой.

– Если найдете ребят, пошлите их домой! – крикнула мама и направилась через двор к воротам.

«Наверное, они в соседнем дворе», – подумала она и, уже не обращая внимания на Джека и его хозяина, вышла за ворота дома.

Натягивая с силой цепочку, Джек тащил толстяка по лестнице вверх.

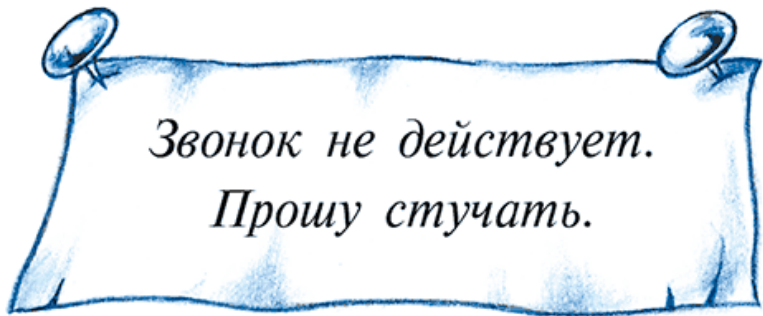
– Тише, тише! – пыхтел толстяк, еле поспевая за собакой.

На площадке пятого этажа Джек на секунду остановился, взглянул на хозяина, потом, отрывисто таявкая, бросился к дверям, обитым клеенкой и войлоком. На дверях висела белая эмалированная дощечка с надписью:

ПРОФЕССОР

ИВАН ГЕРМОГЕНОВИЧ ЕНОВ.

Пониже была приколота записка:

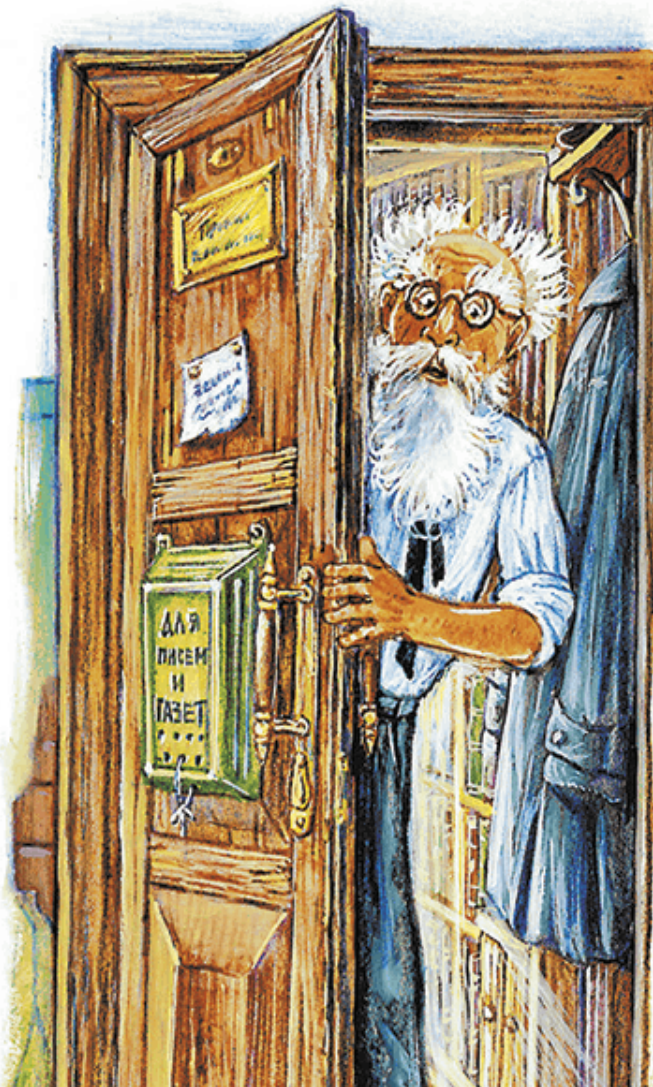
*Звонок не действует.
Прошу стучать.*

Джек с визгом подпрыгивал, царапал когтями клеенчатую обивку двери.

– Тубо, Джек! Тут просят стучать, а не визжать.

Фотограф Шмидт пригладил ладонью прическу, обстоятельно вытер платком потное лицо, потом согнутым пальцем осторожно постучал в дверь. За дверью слышались шаркающие шаги.

Щелкнул замок. Дверь приотворилась. В щели показалось лицо с мохнатыми седыми бровями и желто-белой бородой.

– Вы ко мне?

– Простите, профессор, – смущенно сказал фотограф, – я только хотел спросить вас...

Но не успел толстяк договорить, как Джек вырвал из его рук поводок и, чуть не сбив профессора с ног, бросился в квартиру.

– Назад! Джек! Тубо! – закричал Шмидт.

А Джек уже громыхал цепью где-то в конце коридора.

– Извините, профессор, Джек так молод... Разрешите войти. Я сейчас же уведу его обратно.

– Да, да... Конечно, – рассеянно сказал профессор, пропуская в квартиру Шмидта, – войдите, пожалуйста! Надеюсь, ваша собака не кусается?

– Очень редко! – успокоил профессора Шмидт.

Фотограф переступил порог. Закрыв за собой дверь, он сказал негромко:

– Тысяча извинений! Я на одну минутку... У вас, товарищ профессор, должны быть ребята... Карик и Валя! Из второго этажа...

– Позвольте, позвольте... Карик и Валя? Ну да! Конечно. Прекрасно знаю. Очень славные ребята. Вежливые, любознательные...

– Они у вас?

– Нет! Сегодня их не было у меня.

– Странно! – пробормотал толстяк. – Джек так уверенно

шел по следу...

– Может быть, это вчерашний след? – вежливо спросил профессор.

Но Шмидт не успел ответить. В дальней комнате звонко залаял Джек и тотчас же что-то загремело, задрезжало, зазвенело, как будто на пол упал шкаф или стол с посудой. Профессор вздрогнул.

– Да ведь он перебьет все! – закричал он плачущим голосом и, схватив Шмидта за рукав, потащил за собой по темному коридору.

– Сюда! Сюда! – бормотал он, толкая дверь.

Как только профессор и фотограф переступили порог комнаты, Джек кинулся хозяину на грудь, взвизгнул и с лаем бросился назад. Он носился по комнате, волоча за собою цепь, обнюхивал книжные шкафы, вскакивал на кожаные кресла, вертелся под столом, бестолково бросался из стороны в сторону.

На столе звенели, подпрыгивая, колбы и реторты, качались высокие прозрачные стаканы, дрожали тонкие стеклянные трубочки. От сильного толчка качнулся, сверкнув на солнце, микроскоп. Профессор еле успел подхватить его. Но, спасая микроскоп, зацепил рукавом сияющие никелем чашечки каких-то сложных весов. Чашечки упали, подпрыгнули и со звоном покатались по паркетному полу.

– Что же ты, Джек, – угрюмо сказал профессор, – оскандалился? Лаешь, а зря. Ну? Где же ребята?..

Джек наклонил голову набок. Насторожив уши, он внимательно смотрел на хозяина, стараясь понять, за что же его ругают.

– Стыдно, Джек, – неодобрительно покачал головой фотограф, – а еще ищайка! С дипломом! За кошками тебе гоняться, а не по следу идти! Ну, пошли домой! Извините великодушно, товарищ профессор, за беспокойство!

Фотограф неловко поклонился и шагнул было к двери. Но тут Джек словно взбесился. Он схватил своего хозяина зубами за брюки и, упираясь лапами в скользкий паркетный пол, потащил к столу.

– Да что с тобой? – удивился толстяк.

Повизгивая, Джек снова принялся бегать вокруг стола, а потом прыгнул на диванчик, который стоял перед открытым окном.

Положив лапы на подоконник, он коротко, отрывисто залаял.

Шмидт рассердился.

– Тубо! К ноге! – закричал он, хватая собаку за ошейник, но Джек упрямо мотнул головой и снова бросился к дивану.

– Ничего не понимаю! – развел руками фотограф.

– Наверное, мышь за диваном! – попробовал догадаться профессор. – А может, корка хлеба завалилась или кость? Я ведь часто и обедаю тут.

Он подошел к дивану, отодвинул его от стены. что-то зашуршало и мягко шлепнулось на пол.

– Корка! – сказал профессор.

Джек рванулся вперед. Он протиснулся между стеной и отодвинутым диваном, завертел хвостом и, кажется, схватил что-то зубами.

– А ну, что там у тебя? Покажи! – крикнул фотограф.

Джек попятился, мотнул головой, круто повернулся к хозяйину и положил к его ногам детскую стоптанную сандалию.

Фотограф растерянно повертел находку в руках.

– Кажется, детская обувь, так сказать...

– Гм... Странно, – сказал профессор, разглядывая сандалию, – очень странно!

Пока они вертели в руках находку, Джек вытащил из-за дивана еще три сандалии: одну такую же и две поменьше.

Ничего не понимая, профессор и толстяк смотрели то друг на друга, то на сандалии. Шмидт постучал согнутым пальцем по твердой подошве одной сандалии и неизвестно для чего сказал:

– Крепкие! Хорошие сандалии!

А Джек между тем вытащил из-за дивана синие трусики, потом еще трусики и, прижав их лапой к полу, негромко тьякнул.

– Это еще что такое? – совсем уже растерялся профессор.

Он нагнулся и протянул к трусикам руку, но Джек, оскалив зубы, так зарычал, что профессор поспешно отдернул руку.

– Какой у него, однако, неприятный характер! – смущенно сказал профессор.

– Да, он у меня не очень вежливый! – согласился фотограф.

Он взял трусики и, аккуратно сложив, передал профессору.

– Прошу!

Профессор покосился на Джека.

– Нет, нет, не надо, – сказал он, – я и так все вижу... Ну да... ну да... Вот и метки!.. «В» и «К» – Валя и Карик! – И потрогал пальцем белые буквы, вышитые на поясах трусиков.

Толстяк вытер ладонью потное лицо.

– Ванна в квартире есть? – деловито спросил он.

– Нет, – сказал профессор, – ванны нет! Но если вам нужно вымыть руки, то...

– Да нет, – запыхтел толстяк, – вымыться я и дома могу. Я думал, что они разделись и купаются в ванне. Понятно?

– Да, конечно, – кивнул головой профессор. – Впрочем, не совсем понятно.

– Видите ли, – важно сказал фотограф, – если ребята сбросили трусики, – значит, они решили искупаться. Что еще они могут делать без трусов и без сандалий? Ничего не понимаю! – развел руками Шмидт.

Он широко расставил ноги, заложил руки за спину и, опустив голову, долго смотрел на желтые квадратики паркета, потом выпрямился и сказал уверенно:

– Ничего! Мы их найдем! Они здесь, профессор! Они просто прячутся! Будьте уверены! Мой Джек никогда не ошибается.

Профессор и фотограф обошли все комнаты, заглянули на кухню и даже осмотрели чулан. Джек уныло плелся за ними. В столовой толстяк открыл дверцы буфета, сунул голову под стол, а в спальне пошарил руками под кроватью. Но ребят в квартире не было.

– Куда же они спрятались? – бормотал фотограф.

– А по-моему, – сказал профессор, – они не приходили

сегодня.

– Вы думаете? – задумчиво переспросил Шмидт. – Думаете, что их не было? А ты как думаешь, Джек? Здесь они или нет?

Джек тьякнул.

– Здесь?

Джек тьякнул еще раз.

– Ну, так ищи! Ищи, собачка!

Джек сразу повеселел. Он бросился назад и снова привел профессора и Шмидта в кабинет. Тут он опять прыгнул на подоконник и стал громко лаять и визжать, как бы уверяя своего хозяина, что ребята ушли из квартиры через окно. Шмидт рассердился:

– Да что с тобой сегодня, Джек? Уж не думаешь ли ты, что ребята прыгнули во двор с пятого этажа? Не хочешь ли ты сказать, что они улетели, как мухи или стрекозы?

Профессор быстро повернулся к фотографу, схватил его за руку.

– Что такое? Какие мухи? Нет, вы понимаете, что вы говорите?

Фотограф развел руками и смущенно улыбнулся.

– Да вот мой Джек так думает!

– Какой ужас! – прошептал профессор, бледнея.

Фотограф взглянул на профессора и пробормотал:

– Что с вами? Вам нехорошо? Выпейте воды!

Он шагнул было к столу, на котором стояли графин с водой и стакан, но профессор вдруг закричал так, будто наступил босыми ногами на раскаленное железо:

– Стоп! Стоп! Ни с места!

Испуганный фотограф застыл с поднятой ногой, не смея шевельнуться, и даже перестал дышать. Профессор стремительно протянул руку к столу, схватил стакан с бесцветной жидкостью, торопливо поднес его к глазам и посмотрел на свет. Потом быстро выхватил из кармана большую лупу с

черной костяной ручкой.

– Не двигайтесь! – крикнул он Шмидту. – Пожалуйста, не двигайтесь! И собаку держите покрепче! А лучше возьмите ее на руки!

Перепуганный толстяк растерянно поглядел на профессора и, не спрашивая его больше ни о чем, сгреб собаку в охапку, крепко прижав ее к животу.

«Кажется, старик с ума спятил!» – подумал он.

– Так и стойте! – крикнул профессор.

Держа перед глазами лупу и согнувшись в три погибели, он принялся внимательно осматривать квадратики пола один за другим.

– И мне долго придется стоять, профессор? – робко спросил фотограф, с тревогой следя за странными движениями профессора.

– Ставьте ногу сюда! – крикнул профессор, указывая пальцем на ближайшие квадратики паркета.

Шмидт неловко поставил ногу и так крепко прижал к себе Джека, что тот забился в руках и тихонько взвизгнул.

– Молчи! – прошептал Шмидт, со страхом следя за профессором.

– Теперь – вторую ногу! Ставьте ее сюда!

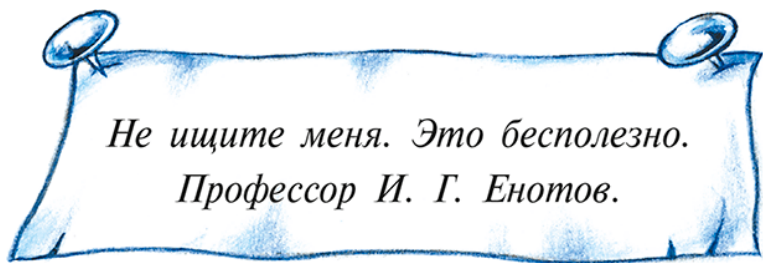
Толстяк безропотно повиновался. Так, шаг за шагом, профессор довел онемевшего от удивления фотографа до дверей.

– А теперь, – сказал профессор, широко распахнув две-

ри, – а теперь уходите, пожалуйста!

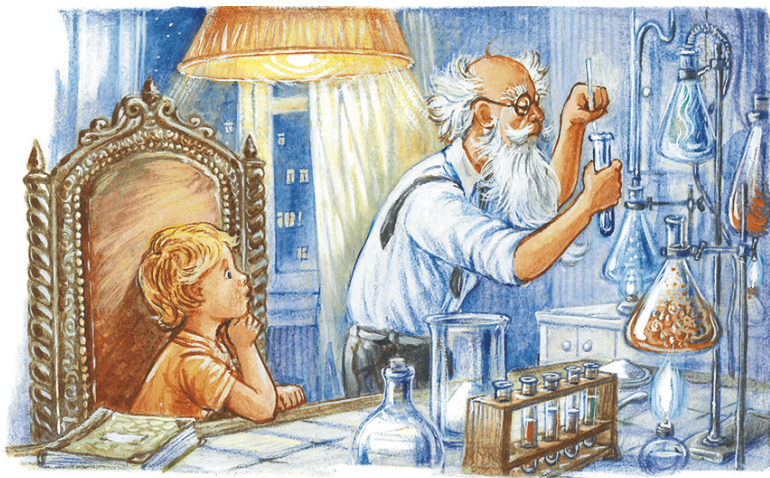
Дверь захлопнулась перед носом Шмидта. Со звоном щелкнул французский замок. Толстяк выпустил из рук Джека и, теряя сандалии, кинулся вниз по лестнице, тяжело дыша, поминутно оглядываясь. Джек с громким лаем мчался за ним. Так они добежали до отделения милиции.

А к вечеру во двор въехала машина с красными полосами по бортам. Несколько милиционеров выскочили из машины, вызвали дворника, потом поднялись на пятый этаж, где жил профессор Енотов. Но профессора дома не оказалось. На дверях его квартиры висела приколотая кнопками записка:

Глава вторая

Чудесная жидкость. Загадочное поведение трусиков и сандалий. Необыкновенное превращение в самой обыкновенной комнате. Приключение на подоконнике. Карик и Валя отправляются в удивительное путешествие

А дело было так. Накануне того дня, когда исчезли ребята, Карик сидел вечером в кабинете профессора Енотова.

В такие часы он любил беседовать с Иваном Гермогеновичем.

Весь кабинет погружен в полумрак; из темных углов поднимаются к потолку длинные черные тени; кажется, там притаился кто-то и глядит на светлое пятно над большим столом.

Голубые огоньки спиртовок тянутся, вздрагивая и раскачиваясь, к закопченным доньшкам стеклянных колб. В колбах что-то булькает и клокочет. Сквозь фильтры медленно просачиваются и звонко падают в бутылку прозрачные капли.

Карик залез с ногами в большое кожаное кресло.

Прижав подбородок к столу, он внимательно следил за ловкими руками профессора, стараясь не дышать, не шевелиться.

Когда профессор работает, он насвистывает разные песенки, а иногда рассказывает Карику забавные истории о своем детстве, о дальних странах, где пришлось ему побывать, о разных удивительных зверях, которых он видел в Америке, Африке и Австралии.

Вот и сейчас, засучив рукава халата, насвистывая, Иван Гермогенович работал, склонившись над столом, переливая синие, красные, черные жидкости из одного стаканчика в другой, помешивая их стеклянной палочкой и то и дело взбалтывая. Карик следил за каждым движением профессора, словно перед ним был фокусник или волшебник.

Иван Гермогенович схватил большую стеклянную колбу с густой маслянистой жидкостью, разлил ее по узким длинным стаканам, понюхал и вдруг засмеялся:

– А ведь, кажется, получается! Попробуем проверить раствор, подбросим в него вот эти белые кристаллики.

Он подцепил роговой ложечкой из черной банки белые крупинки и принялся бросать их по одной в приготовленные стаканчики.

И вдруг жидкость закипела, в ней появились белые хлопья, которые начали медленно опускаться на дно, и тотчас же она превратилась в темно-фиолетовую, а белые хлопья стали золотистыми.

– Победа! – закричал Иван Гермогенович. – Ура! Это величайшая победа! Наш труд увенчался успехом! Теперь нам остается только угостить подопытного кролика нашей волшебной жидкостью, и тогда...

– И что тогда будет? – спросил Карик.

– О, тогда ты увидишь такое, чего никто еще в мире не видел.

Он щелкнул пальцами и громко запел:

О, жидкость – чудо и краса!

Творить мы будем чудеса!

Карик невольно поморщился: пел профессор хотя и очень громко, но у него не было слуха, и все песни поэтому он распевал на один мотив, похожий на завывание ветра в трубе.

– А если кролик не станет пить? – спросил Карик.

– Как это не станет? Заставим выпить... Но это уже зав-

тра... А сейчас... – Иван Гермогенович взглянул на часы и засуетился: – Ай-яй-яй, Карик! Как мы засиделись!.. Одиннадцатнадцать часов... Да... Одиннадцатнадцать часов и две минуты.

Карик понял, что ему пора идти домой. Вздохнув, он нехотя слез с кресла и спросил:

– А завтра вы не начнете без меня?

– Ни в коем случае, – мотнул головой профессор. – Ведь я же обещал тебе.

– А Валу можно привести?

– Валу? – Профессор подумал. – Ну что ж... Приходи с Вaley.

– А вдруг ничего не получится?

– Все получится, – уверенно сказал профессор, гася спиртовки.

– И кролик превратится в блоху?

– Ну нет, – засмеялся профессор, – кролик так и останется кроликом.

– А люди могут уменьшаться?

– А почему же нет?

– Ну как же, – нерешительно сказал Карик, – человек все-таки царь природы и... вдруг...

– И вдруг?..

– И вдруг... Он будет меньше мухи... Это же...

– Что?

– Это же неприлично!

– Почему?

– Не знаю! Бабушка говорит – неприлично. Мы с Валеёй читали недавно книжку про Гулливера и лилипутов, а бабушка взяла да и порвала ее. Бабушка рассердилась даже. Она сказала: человек больше всех животных, а потому все и подчиняются ему.

– А почему же прилично человеку быть меньше слона?

– Так то же слон!

– Глупости, мой мальчик, человек велик не ростом, а своим умом. И умный человек никогда не подумает даже, прилично или неприлично выпить уменьшительную жидкость и отправиться в странный мир насекомых, чтобы открыть многое такое, что очень нужно и полезно человеку. Да и, кроме

того... А впрочем, пора, мой друг, и по домам.

– А скажите, Иван Гермогенович...

– Нет, нет. Больше я ничего не скажу. Довольно. Отложим разговор до завтра! Иди, дружок, домой. И я устал, да и тебе пора уже спать.

Всю ночь Карик ворочался с боку на бок. Во сне он видел розового слона, да такого крошечного, что его можно было посадить в наперсток. Слон ел компот, бегал по столу вокруг тарелок и так шалил, что рассыпал всю соль, а сам чуть не утонул в горчице. Карик достал его из горчицницы и принялся обмывать в блюдечке, но слон вырывался и толкал Карика хоботом в плечо. Потом он прыгнул ему на голову и сказал голосом какой-то знакомой девочки:

– Карик, что с тобой? Что ты кричишь?

Карик открыл глаза.

У кровати стояла, завернувшись в одеяло, Валя!

– Ага! Ты уже проснулась, – сказал Карик. – Очень хорошо. Одевайся быстрее.

– Зачем?

– Надо идти. Пойдем к Ивану Гермогеновичу. У-ух, что там будет сегодня... Такие чудеса! Такие чудеса!

– А что?

– Одевайся быстрее!

– Я надена трусики и сандалии, – сказала Валя, торопливо заправляя кровать.

– Надевай что хочешь, только побыстрее!

Разыскивая сандалии, Карик рассказывал шепотом:

– Ты понимаешь, как он здорово придумал!..

– Придумал?

– Ну да! Иван Гермогенович придумал... Такую жидкость придумал... Понимаешь?

– Вкусную? Да? – спросила Валя, застегивая ремешки сандалий.

– Очень вкусную... Хотя неизвестно еще... Для кроликов жидкость!.. Сегодня он даст им попить этой жидкости, а как они выпьют – тогда... Уй-юй-юй!

– Ой, как интересно! – всплеснула руками Валя.

– И знаешь, что с ними будет? С кроликами?

Валины глаза широко открылись.

– Ну и что же с ними будет? – спросила она почему-то

шепотом.

– С ними? – Карик подумал немного и сказал честно: – Пока еще неизвестно, будет что-нибудь с ними или не будет, но... Мы сейчас увидим... Это же пока только опыты. Пошли быстрее!

Карик, а за ним Валя закрыли за собою дверь и тихонько прошмыгнули через мамину комнату. Мама крикнула что-то вслед, но Карик схватил Валу за руку и, погрозив ей пальцем, быстро потащил за собой.

– Молчи, – зашептал Карик, – а то начнется сейчас: зубы чисти, умывайся, одевайся, завтракай, ногами за столом не болтай... Обязательно опоздаем!

Перебежав двор, они юркнули на парадную лестницу, взбежали, не останавливаясь, на пятый этаж. Карик первым схватил ручку двери, на которой висела записка со словами:

Звонок не действует. Прошу стучать.

Карик постучал, но никто не отозвался. Тогда он потянул на себя ручку двери, и она вдруг открылась. Ребята вошли в полутемную переднюю. Здесь было прохладно. В углу поблескивало большое зеркало. Сверху с большого шкафа смотрели на ребят бронзовые и мраморные головы. На вешалке висели шуба профессора, пальто и темный плащ, похожий на шахматную доску.

В квартире было тихо. Где-то очень далеко, наверное на кухне, капала из крана вода. В столовой размеренно постукивали часы.

– Наверное, Иван Гермогенович у себя в кабинете, – сказал Карик. – Идем быстрее!

Но и в кабинете профессора не было.

Ребята решили подождать его.

Окна профессорского кабинета были раскрыты настежь. Яркое летнее солнце щедро освещало большой белый стол. Он весь был заставлен пузатыми банками, колбами и ретортами. Между банками стояли в стаканах пучки очень длинных стеклянных трубочек. Ослепительно сверкали на солнце никелированные чашечки, матово светились фарфоровые ступки, весело сияли медные части микроскопа. Резвые солнечные зайчики стремительно проносились по потолку, скользили по стенам, прыгали по колбам и ретортам.

Громоздкие и важные стояли вдоль стен стеклянные шкафы с толстыми и тонкими книгами. Названия книг прочитать еще можно было, но, для того чтобы понять прочитанное, нужно, наверное, очень и очень долго учиться. Золотыми буквами на корешках книг написаны такие названия: «Экология животных», «Гидробиология», «Хируномиды», «Аскариды».

Эти книги, пожалуй, лучше всего было не трогать.

Ребята молча обошли кабинет, покрутили немножко винтики микроскопа, посидели по очереди в кожаном кресле, на

спинке которого лежал, раскинув пустые рукава, белый халат профессора, а потом стали рассматривать банки, колбы и реторты.

– А в какой банке вкусная жидкость? – спросила Валя. – Ты сказал, что Иван Гермогенович придумал вкусную жидкость.

– Ой, Валька, – строго сказал Карик, – ты лучше отойди от стола и ничего не трогай!

– Я не трогаю, – вздохнула Валя и придвинулась совсем близко к высокому узкому стакану, который был наполнен доверху золотистой жидкостью. Со дна стакана поднимались маленькие светящиеся пузырьки и беззвучно лопались на поверхности. Жидкость, похожая на газированную воду, наверное, была такая же прохладная. Валя осторожно взяла высокий стакан. Он был холодный как лед. Она поднесла стакан к лицу и понюхала. Вода пахла персиками и еще чем-то незнакомым, но очень, очень вкусным.

– Ой, как хорошо пахнет! – закричала Валя.

– Поставь на место! – сказал сердито Карик. – Ничего не трогай. Может быть, это отрава. Отойди от стола. Слышишь?

Валя поставила стакан на место, но от стола не отошла: жидкость так хорошо пахла, что хотелось понюхать ее еще раз.

– Валька, отойди, – сказал Карик. – А то я маме скажу. Честное пионерское!

Валя обошла вокруг стола, посидела в кресле, но скоро вернулась обратно и нечаянно очутилась опять перед стаканом.

– А знаешь, Карик, это же газированная вода! – сказала она, и вдруг ей так захотелось пить, будто весь день она ела копченые селедки.

– Не трогай! – крикнул Карик.

– А если мне хочется пить? – спросила Валя.

– Иди домой и пей чай.

Валя ничего не ответила. Она подошла к окну, посмотрела вниз, а когда Карик отвернулся, быстро подскочила к столу и, схватив стакан, отхлебнула немножко.

– Вот вкусно-то! – прошептала Валя.

– Валька, ты с ума сошла! – закричал Карик.

– Ой, Карик, как вкусно! Попробуй! – И она протянула стакан брату. – Холодная и очень вкусная... Никогда такой не пила.

– А вдруг это отрава? – сказал Карик, недоверчиво поглядывая на жидкость.

– Отравы бывает горькая, – засмеялась Валя, – а это очень вкусное.

Карик переступил с ноги на ногу.

– Наверное, дрянь какая-нибудь! – сказал он, нерешительно протягивая руку к стакану.

– Совсем не дрянь. Попробуй. Пахнет персиками, а на вкус как ситро. Только еще вкуснее.

Карик оглянулся по сторонам. Если бы в эту минуту вошел профессор, у него с Кариком, пожалуй, произошел бы очень неприятный разговор. Но в кабинете была только Валя, поэтому Карик торопливо отпил несколько глотков и поставил стакан на прежнее место.

– А ведь правда вкусно! – сказал он. – Только больше не пей, а то Иван Гермогенович заметит. Давай лучше посидим на окне. Наверное, скоро придет Иван Гермогенович и мы начнем делать опыты.

– Хорошо, – вздохнула Валя и посмотрела с сожалением на стакан с такой вкусной жидкостью.

Ребята забрались на диван, который стоял около стола, а с дивана перебрались на подоконник.

Свесив головы вниз, они лежали, болтая ногами и рассматривая сверху далекий двор.

Внизу бродил кот Анюта. Он был такой маленький, как будто игрушечный.

– У-ух, как высоко! – сказала Валя и плюнула вниз. – Ты бы прыгнул?

– Прыгнул, – ответил Карик, – с парашютом прыгнул бы.

– А без парашюта?

– Без парашюта? Нет, без парашюта с такой высоты не прыгают.

Мимо окон проносились ласточки, хватая на лету мошек. Сизые голуби садились на балконы и подоконники.

– Стрекоза! – закричала вдруг Валя. – Смотри, смотри!

Прямо на ребят мчалась, может быть спасаясь от ласточек, голубая стрекоза. Увидев ребят, она застыла неподвижно в воздухе, потом ринулась в сторону и с такой силой ударилась о стекло открытого окна, что упала на подоконник замертво.

– Моя! – крикнул Карик.

– Нет, моя! – закричала Валя. – Я первая увидела ее.

Стрекоза лежала на подоконнике между Кариком и Валей, беспомощно перебирая крошечными лапками.

Карик протянул руку к стрекозе, и вдруг ему показалось,

что он теряет трусики; он торопливо нагнулся, но не успел их подхватить – трусики скользнули вниз, а вслед за ними упали с ног и сандалии.

Карик хотел спрыгнуть с подоконника на диван, стоявший у окна, но диван вдруг быстро помчался вниз, точно лифт с верхнего этажа. Ничего не понимая, он растерянно посмотрел по сторонам и тут увидел, что вся комната как-то странно растягивается и вверх и вниз.

– Что это? – испуганно закричал Карик.

Стены, пол и потолок раздвигались, как мехи огромной гармошки. Люстра мчалась вместе с потолком вверх. Пол стремительно уходил вниз.

Прошло не более минуты, а комнату уже нельзя было узнать.

Высоко над головой покачивался гигантский стеклянный стратостат, обвешанный сверкающими на солнце прозрачными сосульками. Это была люстра. Глубоко внизу раскинулось необозримое желтое поле, расчерченное ровными квадратами. На квадратах валялись четырехугольные бревна с обожженными концами. Рядом с ними лежала длинная белая труба, на которой огромными буквами было написано: «Беломорканал». Один конец ее был опален и покрыт густой шапкой серого пепла.

В стороне, точно кожаные горы, стояли черные кресла, а белый халат профессора покрывал их, как вечный снег покрывает горные вершины. Там, где стояли книжные шкафы,

теперь поднимались небоскребы из стекла и коричневых балок. Сквозь стекла можно было видеть большие, как пятиэтажные дома, книги.

– Карик, что это? – спокойно спросила Валя, рассматривая с любопытством чудесное превращение комнаты.

Тут только Карик заметил Валу. Она стояла возле него без сандалий и без трусиков.

– Смотри, Карик, смешно как! – засмеялась она. – Это опыты начались? Да?

Но не успел Карик ответить, как рядом что-то зашумело, застучало. Густые тучи пыли поднялись над подоконником. Валя вцепилась Карику в плечо. В ту же минуту дунул ветер. Пыль взлетела вверх и медленно рассеялась.

– Ай! – крикнула Валя.

На том месте, где только что лежала крошечная стрекоза, шевелилось толстое и длинное, как бревно, коленчатое тело с огромным крюком на конце. Покрытое бирюзово-голубыми пятнами, коричневое тело судорожно сжималось. Суставы двигались, то наползая друг на друга, то выгибаясь в сторону. Четыре огромных прозрачных крыла, покрытых густой паутиной сверкающих жилок, дрожали в воздухе. Чудовищная голова билась о подоконник.

– Кари-ик! – прошептала Валя. – Кто это?

– Ш-ш-ш!

Осторожно ступая, Карик пошел по подоконнику, который теперь был похож на деревянную автостраду, но, сделав

несколько шагов, испуганно остановился.

Он стоял на краю пропасти. Ему показалось, что он смотрит вниз с высоты Исаакиевского собора.

И тогда Карик понял, что случилось. Он повернулся к Вале, взял ее за руку и, заикаясь от ужаса, сказал:

– Это... это, наверное, была вода для кроликов... Пони-маешь? Опыт профессора удался... Только уменьшились не кролики, а мы с тобой.

Валя ничего не поняла.

– А это что такое? – спросила она, указывая на чудовище, которое неподвижно лежало на подоконнике.

– Это?.. Стрекоза!

– Такая громадная?

– Совсем не громадная, – уныло сказал Карик, – она такая же, как была. Зато мы с тобой стали крошечными... Вроде блохи...

– Вот интересно-то! – обрадовалась Валя.

– Дура! – рассердился Карик. – Ничего интересного нет...

Посадят нас теперь в банку и станут рассматривать через микроскоп.

– А по-моему, – уверенно сказала Валя, – рассматривать не будут. Иван Гермогенович придет и сделает нас опять большими.

– Да-а, большими! Он даже не заметит нас!

– А мы закричим!

– Не услышит!

– Не услышит? Почему? Разве он глухой?

– Он-то не глухой, а голоса теперь у нас, наверное, как у комаров.

– Ну да? – недоверчиво улыбнулась Валя и что было сил крикнула: – Эге-ей! Мы зде-е-есь!

Она взглянула на Карика и спросила:

– Ну что? Плохо слышно?

– Для нас – хорошо, а для Ивана Гермогеновича плохо.

– А что же теперь будет с нами?

– Ничего особенного. Смахнут тряпкой с подоконника,

растопчут ногами – вот и все...

– Кто смахнет?

– Да сам же Иван Гермогенович.

– Смахнет тряпкой?

– Ну да! Станет пыль вытирать и смахнет! С пылью!

– А мы... А мы... А мы... Слушай, Карик, я уже придумала...

Знаешь что, мы сядем на стрекозу. Иван Гермогенович

увидит дохлую стрекозу и обязательно положит ее к себе на

стол, а мы тогда заберемся под микроскоп, и он увидит нас...

Ну конечно, увидит! И сделает опять большими... Залезай

скорее на стрекозу.

Валя схватила Карика за руку.

– Садись!

Помогая друг другу, ребята проворно вскарабкались на

стрекозу, но лишь только они уселись, как стрекоза зашевелилась,

застучала громыхающими крыльями, тяжело заворочалась и

запыхтела, как машина. Ребята почувствовали, как под ними

начало выгибаться сильное мускулистое тело.

– Ой, она живая. Слезай скорей! – взвизгнула Валя.

– Ничего, ничего. Держись крепче!

Ребята крепко обхватили руками и ногами туловище стре-

козы, но она изгибалась всем телом, пытаюсь освободиться от неприятной ноши. Карик и Валя качались, подскакивая, точно на пружинах.

– Сбросит! Ой, сбросит! – визжала Валя.

– Подожди! – крикнул Карик. – Я ей... Вот, стой-ка!

Он дополз до головы стрекозы, перегнулся и изо всей силы ударил ее несколько раз кулаком по глазам.

Стрекоза вздрогнула, изогнулась и замерла.

– Кажется, опять сдохла, – сказала Валя.

– Посмотрим.

Карик слез со стрекозы, обошел ее вокруг, потом схватил двумя руками прозрачное, как слюда, крыло и попробовал приподнять его.

Стрекоза не шевелилась.

– Сдохла, – уверенно сказал Карик, вскарабкиваясь на стрекозу.

Некоторое время ребята сидели молча, посматривая то и дело на дверь, но скоро им стало скучно, и они принялись рассматривать стрекозу. Карик забрался на крыло и попробовал оторвать его от туловища. Но крыло держалось очень крепко. Тогда Карик прыгнул на голову стрекозы и постучал пятками по ее глазам.

– У-ух, глазищи-то какие! Видишь?

– Ага. – Робко протянув руку, Валя осторожно дотронулась до холодных, точно вылитых из хрусталя, глаз. – Страшные!

У стрекозы в самом деле были удивительные глаза – огромные, выпуклые, вроде стеклянных фонарей. Покрытые тысячами ровных граней, они светились изнутри голубовато-зелеными огнями. И эти странные глаза смотрели сразу и на Карика, и на Валу, и на двор, и на небо, и на потолок комнаты, и на пол. Казалось, в каждом глазу светились тысячи отдельных зеленоватых глаз и все они смотрели внимательно и зорко. А перед этими огромными глазами, на самом краю головы, сидели еще три маленьких коричневых глаза, и они тоже очень зорко следили за ребятами.

– Знаешь, – сказала Валя, – все-таки она живая, она смотрит, Карик, видишь?

– Ну и что же?

– Надо убить ее еще раз. Вдруг она оживет?... Ты знаешь, чем питаются стрекозы?

– Кажется, травой или соком цветов, – неопределенно сказал Карик. – Хорошо не помню. А что?

– Боюсь, как бы она не съела нас, если оживет. Кто знает, что она привыкла есть? Давай лучше убьем ее еще один раз.

Валя спустила было ноги, пытаясь слезть со стрекозы, но в это время в квартире как будто грохнул взрыв.

Потом раздался мерный, тяжелый топот.

– Что это? – замерла Валя.

– Это... Ур-ра! Это Иван Гермогенович идет! – радостно закричал Карик.

Валя поспешила занять прежнее место.

Дверь хлопнула. В окно ударила волна воздуха. В кабинет вошел человек-гора с бородой, похожей на стог белого хлопка.

Тут Карик и Валя закричали что было силы:

– Иван Гермогенович!

Человек-гора открыл широко глаза. Ладонь величиной с обеденный стол взлетела вверх и остановилась у скрученного раковины уха, из которого торчали в стороны седые пучки волос, толстые, как рисовальные карандаши. Он посмотрел по сторонам, прислушался, пожал недоумевающе плечами.

– Иван Гермогенович! Ива-ан Ге-ермо-о-ге-ено-вич! – крикнули вместе Карик и Валя.

Человек-гора шумно вздохнул. В комнате все загудело. Ребята чуть было не слетели вместе со стрекозой вниз, на каменный двор.

– К на-ам! Сюда-а!

Человек-гора шагнул к столу.

– Ур-ра! – закричал Карик. – Он слышит!

– Мы здесь! Зде-есь! – надрывалась Валя.

Человек-гора остановился.

– К на-ам! Сюда! Мы здесь! – кричали ребята.

Человек-гора подошел к окну.

Но вдруг стрекоза шевельнулась, затрещала слюдяными крыльями, подняла на подоконнике густое облако пыли и вместе с Кариком и Валею провалилась вниз, в синий воз-

душный океан.

– Держись! – закричала Валя, хватая Карика за шею.

Глава третья

Встреча в воздушном океане. Прожорливый самолет. Невольные парашютисты. Приключения Карика и Вали в большой луже. Подводная тюрьма. В лапах восьмиглазого чудовища

Стрекоза летела, шумя прозрачными жесткими крыльями. Они гремели, словно листовое железо.

Упругий ветер мчался навстречу, рвал волосы, пронзительно свистел в ушах. Он бил в лицо, слепил глаза. Дышать было трудно. Крепко вцепившись в стрекозу, обхватив ее ру-

ками и ногами, ребята сидели ни живы ни мертвы.

– Карик! – крикнула сквозь вой ветра Валя. – Как мне держаться? Меня тащит... Вниз тащит... Ветром!

– Молчи! Упадём! – закричал Карик и чуть не задохнулся от ветра.

Ветер дул с такой силой, что казалось, он оторвет Валу и Карика от стрекозы и сбросит вниз. Ребята пригнулись к самой спине стрекозы, но и это не помогало.

– Ложись, Валька! – закричал Карик, вытягиваясь во весь рост.

Валя последовала его примеру.

– Ну что? – крикнул Карик. – Лучше стало?

– Немножко!

И в самом деле, теперь напор ветра был не так уже силен. Теперь можно было открыть глаза и даже оглядеться по сторонам.

Не поднимая головы, Валя крикнула:

– А ведь так совсем не страшно!

Сквозь шум ветра Карик услышал только одно слово: «страшно».

Он слегка повернулся назад и сказал как можно громче и спокойнее:

– Ничего, держись крепче!

Стрекоза мчалась плавно, то взлетая на воздушные горы, то стремительно скатываясь вниз.

– Ой, Карик, – визжала Валя, – она хочет сбросить нас!

Но Карик не слышал Валиных слов.

Он следил внимательно за работой слюдяных стрекозиных крыльев.

Два передних крыла стояли в воздухе почти неподвижно. Их движения были еле заметны. Изредка они выгибались то вверх, то вниз, и тотчас же стрекоза или опускалась ниже, или взлетала еще выше.

Этими крыльями она, как видно, управляла при полете. И они же поддерживали ее в воздухе.

Но зато два задних крыла мелькали, как пропеллеры. Они

гудели и выли, быстро загребая воздух, и, отталкиваясь от него, гнали стрекозу вперед.

Но вот задние крылья начали приподниматься вверх и вдруг встали ребром, как паруса. В спину подул ровный ветер. Стрекоза бесшумно, как воздушная яхта, поплыла в воздухе.

– Ой как интересно! – зашептала Валя. – Вот бы такой самолет построить!

Карик искоса взглянул на сестру и недовольно шмыгнул носом. Ее легкомыслие начинало сердить Карика.

– Сиди и молчи! – сказал он, хмуря брови.

Но Валя не могла сидеть молча; да и как можно было мол-

чать.

Мимо, точно встречные поезда, пронеслись, обдавая ребятам ветром, огромные крылатые звери. Они пролетали так быстро, что даже нельзя было понять, кто они такие. Птицы? Пчелы? Стрекозы?

Валя то и дело кричала:

– Кто это? Кто? Ты видел, Карик?

Они чуть было не столкнулись в воздухе с каким-то гигантским, величиною с танк, жуком. Весь разукрашенный золотыми и фиолетовыми красками, он так ослепительно сверкал на солнце, что на него невозможно было смотреть.

Жук летел прямо на стрекозу. Столкновение казалось неизбежным, но вдруг он с такой же быстротой, и даже не поворачиваясь, помчался назад.

– Задний ход! – закричала Валя. – Он может лететь задним ходом. Ты видел?

Внезапно под крыльями что-то зажужжало, завывало. Откуда-то снизу вынырнуло волосатое круглое животное. Поджав под себя мохнатые ноги, оно с гудением мчалось навстречу, бросаясь из стороны в сторону. Зеленоватые крылья животного сияли на солнце, то вспыхивая яркими зелеными и синими огнями, то угасая.

– Кто? – спросила Валя.

– Муха! Только очень большая. Как под микроскопом! – крикнул Карик.

Расстояние между мухой и стрекозой становилось все меньше и меньше. Теперь и Валя узнала муху. Она была такая большая, как на плакатах: «Берегись мух – они распространяют заразу».

Но не успела Валя подумать о том, какую же заразу несет муха, как та вильнула в сторону и понеслась куда-то вниз.

Стрекоза повернула, точно на стержне, свою огромную голову вправо, влево, вверх, вниз, сверкнула голубовато-зелеными хрусталиками огромных глаз и кинулась вслед за мухой.

– Ай! – закричала Валя, хватая Карика за ногу.

– Держись! – ответил Карик.

Начались крутые повороты, стремительные спуски, подъемы.

Преследуя муху, стрекоза то падала вниз камнем, то описывала петли, то скользила боком и наконец, налетев на муху, протянула к ней огромные, покрытые шипами клещи.

Муха перевернулась и помчалась на спине, ногами вверх. Ноги ее угрожающе вытягивались, стараясь оттолкнуть прочь стрекозиные клещи.

Но это ей не помогло.

Стрекоза нагнала ее, и тотчас мохнатые ноги стрекозы сомкнулись вместе, превратившись в корзинку. Этой корзинкой она подхватила муху, как сачком.

– Ж-жжж! – жажужжала, забилась муха.

На землю, медленно кружась, полетели одно за другим крылья, а через минуту из корзинки вывалилась пустая оболочка мухи.

Карик и Валя молча переглянулись. Так вот она чем питается, стрекоза!

– А ты говоришь – соком цветов! – шепнула Валя.

Ей стало так страшно, что она закрыла глаза. Уж если стрекоза пожирает мух, которые теперь в несколько раз больше Карика и Вали, так их-то она шутя проглотит.

Ребята испуганно прижались друг к другу.

А стрекоза носилась в воздухе, вычерпывая своей корзинкой-сачком все новых и новых крылатых летунов, на ходу пожирая их и отбрасывая прочь пустые оболочки.

Далеко впереди плыли, покачиваясь, огромные цветные крылья с ровными полосами по краям, похожими на траурные повязки. Концы крыльев были покрыты темными бархатными пятнами.

– Кто это? – прошептал Карик.

Крылья подпрыгивали в воздухе, словно красивый летун танцевал, то падая, то взлетая вверх. Под крыльями уже можно было видеть извивающееся тело, похожее на полосатый дирижабль. Длинные усы с набалдашниками на концах беспокойно вздрагивали, как бы готовясь сразиться с хищной стрекозой. Крылатый летун был не меньше стрекозы. И если стрекоза попытается напасть на него, тогда, наверное, начнется страшная битва в воздухе.

– Ой, только бы они не подрались! – прошептала Валя.

Во время схватки двух таких чудовищ вряд ли можно будет удержаться на спине стрекозы.

Подлетев ближе, Карик и Валя увидели на крыльях огромную чешую, покрытую пушистой цветной пылью.

Крылья бестолково кружились в воздухе, трепетали, как паруса на ветру.

Но вот радужное животное заметило стрекозу. Оно засуетилось, мягко захлопало крыльями, потом, сложив их, начало стремительно падать вниз.

Однако уйти от стрекозы ему не удалось.

Стрекоза ринулась за ним, ударила с налета грудью, и, когда радужное животное перевернулось в воздухе, она схватила его, свернула ему голову и, оборвав крылья, сожрала в один миг. И снова помчалась, как самолет; могучие крылья ее загудели, и над головой опять запел протяжно ветер.

– Кого это она?

– Бабочку! – крикнул сквозь шум ветра Карик. – Кажется, бабочку!

А скоро стрекоза догнала и проглотила еще одну муху, еще одну бабочку – на этот раз белую с голубыми пятнами, потом комара.

– Ну и обжора! – закричал Карик.

Валя зябко поежилась.

По небу ползли облака. Время от времени они заслоняли солнце, и тогда небо покрывали холодные синие тени.

И тут ребята с удивлением заметили, как странно ведет себя стрекоза, когда облака набегают на солнце.

Лишь только солнце пряталось, стрекоза становилась какой-то вялой и медленно, как планер, скользила вниз.

Но стоило солнцу выглянуть из-за туч, стрекоза оживала. Легкий взмах крыльев – и она стремительно взлетала вверх и снова принималась за охоту.

– Карик! – крикнула Валя. – Ты замечаешь, что с ней делается?

– Да, да! – кивнул головой Карик.

Он заметил и еще кое-что другое.

Попадая в потоки солнечных лучей, тело стрекозы раздувалось, становилось крепким и гладким. Но как только набегала холодная тень от облаков, оно сжималось, морщинилось и начинало пружинить, точно сиденье старого кресла.

Казалось, солнце нагревало внутри стрекозы воздух и он распирает ее; но стоило стрекозе попасть в холодную, теневую полосу, ее тело снова сжималось, становилось дряблым, как воздушный шарик, который проткнули иголкой. Так оно и было на самом деле, но этого ребята не знали, а поэтому они не могли понять странного поведения стрекозы.

Охота продолжалась.

Стрекоза пожирала мух, бабочек и комаров без устали.

Если бы ребята решили дать своему живому самолету какое-нибудь имя, то лучше, чем «Смерть комарам и мухам», пожалуй, они не могли бы придумать.

В погоне за белой бабочкой стрекоза сделала резкий поворот. Валя соскочила со спины крылатого обжоры и непременно упала бы на землю, если бы не успела ухватиться за ноги Карика. Но и сам Карик тоже еле-еле держался на стрекозе.

– Помоги! – закричала Валя.

– Не... не могу-у! – хрипел Карик.

Валя тянула его вниз, как тяжелая гирия. Напрасно он ухватился руками за гладкие, упругие стрекозиные бока. Руки его одеревенели. Пальцы скользили.

С отчаянием погибающего он уперся в крыло стрекозы подбородком, обхватив рукой ее упругое тело. Но забраться обратно было ему не под силу.

– Нет! Не могу больше! – закричал Карик.

Глубоко внизу, точно в бездонной пропасти, плыла под ногами синяя поверхность огромного озера. Зеленые камыши поднимались над водой, теснясь вдоль берегов. Белые чаши водяных лилий стояли, точно впаянные в спокойную синеву озера.

Стрекоза сделала резкий разворот.

В грудь Карика ударил мощный поток воздуха, руки скользнули последний раз по гладким бокам стрекозы. Он закрыл глаза, и вдруг сердце его екнуло, замерло: под ногами все провалилось, в ушах засвистел, завыл протяжно ветер. Ребята полетели вниз.

– И-и-и! – завизжала Валя.

– А-а-а! – закричал Карик.

Они летели, кувыряясь через голову.

Несколько раз небо и земля поменялись местами.

Небо.

Земля.

Небо.

Земля.

У-ух!

Взметнув фонтаны брызг, ребята врезались в зеркало пруда и камнем пошли ко дну, рассекая воду, плотную, как студень, и прозрачную, как стекло. Ударившись ногами о дно, они пробкой вылетели обратно на поверхность и отчаянно забили по воде руками и ногами. Оглушенные падением, они кружились на одном месте, ничего не понимая, ничего не соображая.

Первым пришел в себя Карик.

– Надо плыть к берегу! – крикнул он, выплевывая воду.

– А где берег? – спросила Валя, захлебываясь.

Карик мотнул головой в ту сторону, где вдали виднелась высокая зеленая стена леса.

– Ох, доплывем ли? – захныкала Валя.

– Конечно доплывем! – уверенно сказал Карик. – Только не надо торопиться, а как устанешь, скажи мне. Будем отдыхать на спинке. Ну, плыви за мной!

И они поплыли к берегу, поднимая брызги, фыркая и отдуваясь.

Вдруг Валя вскрикнула:

– Смотри! Кто это? Он прямо на нас бежит.

Какое-то странное животное скользило по воде на высоких, полусогнутых ногах.

– Кто?

– Не знаю! – шепнул Карик, втягивая голову в плечи.

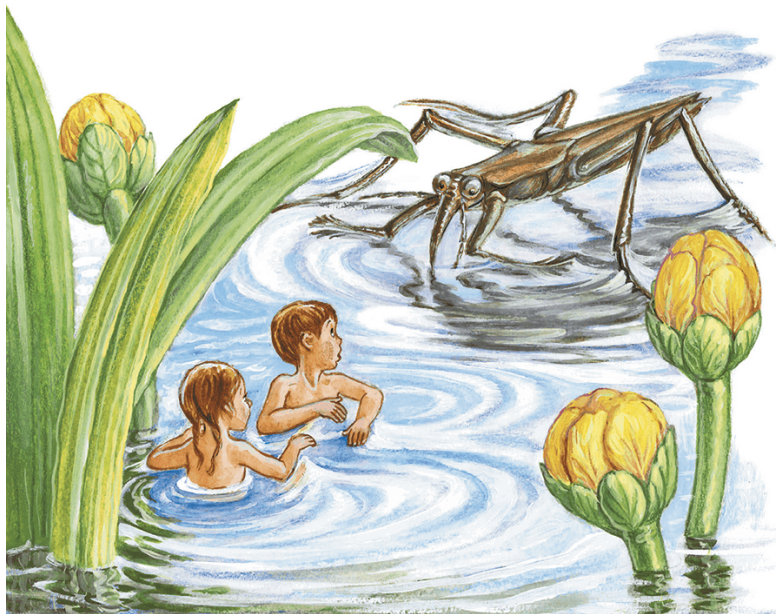
– Кусается?

– Не знаю!

Животное скользило, как конькобежец по льду, приближаясь к ребятам с каждой минутой.

– А этот... не такой, как стрекоза? – спросила шепотом Валя.

– Не знаю... Но ты приготовься на всякий случай... Если нападет, ныряй как можно глубже.

Широко расставив длинные ноги, животное мчалось по зеркалу воды, ловко перепрыгивая с разбегу через водяные растения. Коньки-поплавки оставляли на воде волнистый, еле заметный след.

– Да это же водомерка! – вскрикнул Карик. – Ну да, конечно! Обыкновенная водомерка. Только гораздо больше.

Водомерка-великан приближалась с невероятной быстротой. Бурое тело, покрытое снизу беловатыми волосками, слегка покачивалось на ходу. Большие шарообразные глаза

пристально смотрели на ребят.

На крутых поворотах водомерка откидывала назад и в стороны задние ноги, тянула их за собой, слегка поворачивая то вправо, то влево. Видимо, они служили ей рулем. Водомерка мчалась прямо на ребят.

– Ай! – крикнула Валя.

Водомерка, мотнув головой, подняла вверх длинный, как копьё, и острый, как игла, хобот. Он был покрыт, словно ржавчиной, бурой засохшей кровью. Конец его дрожал, словно расплавленная стальная пружина.

– Она убивает этим! – закричала Валя.

Водомерка придвинулась еще ближе. Приподняв над водой передние ноги, она нацелилась копьём на Валу.

Но тут Карик схватил сестру за руку и потянул под воду.

Ребята нырнули. Там, где только что плыли Карик и Валя, остались лишь круги на воде и мелкие пузыри.

Водомерка растерянно повела по сторонам круглыми глазами. Ведь только что добыча была под самым носом – и вдруг...

Что это значит?

Водомерка еще раз посмотрела по сторонам и, прижав плотно хобот к белому брюшку, помчалась, скользя по водяной пленке.

Фыркая и отплевываясь, ребята вынырнули из-под воды.

– Где она? – спросила, тяжело дыша, Валя.

– У-уф! Не знаю! – тихо ответил Карик. – Кажется, ука-

тила.

– Куда?

– Давай быстро к берегу, – рассердился Карик. – Плыви, не разговаривай.

Некоторое время ребята плыли молча, боязливо оглядываясь по сторонам. И вдруг ноги Вали запутались в крепкой и скользкой подводной сетке. Она рванулась, стараясь освободиться, забила по воде руками, но все ее усилия были напрасны. Подводные сети опутывали ее ноги все крепче и крепче.

– Да что ты крутишься на одном месте? – закричал Карик. – Ты к берегу плыви.

– Я не могу! – захныкала Валя. – Меня держат сети. Никак не выбраться.

Фыркая и выплевывая воду, Карик поплыл к сестре.

– Держись! Не бойся! – крикнул он. – Сейчас я освобожу тебя!

Он нырнул, протянул руки, нащупал сети, но лишь только он начал освобождать Валу, как по рукам его скользнуло что-то живое, упругое, сдавило так, что у него потемнело в глазах.

Перед ним поплыли желтые рябые круги, в ушах запело, зазвенело тоненько-тоненько: «Ти-и-и-ить!»

Еще секунда, и Карик задохнулся бы окончательно, но тут его что-то подбросило вверх – и легкие сразу наполнились воздухом.

Карик тяжело перевел дыхание. Он еще не знал, кто выта-

щил его из воды, но теперь, когда он уже мог дышать, ему показалось, что он спасен. Раскрыв глаза, он неожиданно увидел рядом с собою мокрое, испуганное лицо Вали. Она широко открывала рот, силясь что-то сказать, но вместо слов из рта выплевывалась вода.

Карик поднял глаза к небу, но вместо неба он увидел покатые своды пещеры. Стены пещеры и свод светились в полутьме, словно серебряные. Глубоко внизу плескалась черная вода.

Карик и Валя висели между водой и сводом, но как они держались в воздухе, Карик не мог понять. И вдруг он увидел чудовищную лапу. Она-то и держала их над водою. Лапа поднималась из черной воды, и, когда Карик увидел в полутьме самого хозяина лапы, он задрожал от страха. Из воды торчала жирная блестящая туша.

Потоки черной воды скатывались по круглым бокам, потом над водой начали всплывать одна за другой огромные мохнатые ноги, и наконец Карик увидел гигантского паука. Он покачивался на воде, рассматривая ребят холодными, немигающими глазами. Восемь змеиных глаз злобно стерегли каждое движение Карика и Вали.

– Пусти-и-и! – завизжал Карик.

Валя заплакала.

– Ну, чего пристал? – заплакал и Карик, отбиваясь руками и ногами.

Чудовищная лапа сдавила ребят так, что у них перехватило дыхание. И тотчас же чудовищный паук перевернул их вниз головами и принялся вертеть и кружить с такой быстротой, что Карик и Валя потеряли сознание.

Глава четвертая

Профессор Енотов отправляется в странный мир. Загадка простой паутины. Первая охота. Панцирь и копье. Ловушка. Иван Гермогенович в опасности

На вершине зеленого холма стоял профессор Енотов. Белые брюки Ивана Гермогеновича были измазаны желтой глиной. Галстук съехал набок. Помятая шляпа сидела на затылке, открывая красный, потный лоб. Из густой бороды профессора торчали сухие веточки.

Одной рукой профессор прижимал к груди небольшой

фанерный ящик. В другой у него был длинный тонкий шест. Красный платок, привязанный к шесту, развевался по ветру, как флаг.

– Пожалуй, искать их надо здесь! – бормотал профессор, поглядывая на тихий пруд у подножия холма.

Он поставил ящик на землю, рядом воткнул шест с флагом и, сбросив шляпу с головы, принялся рвать обеими руками траву.

Нарвав целую охапку, он тщательно прикрыл травой фанерный ящик, потом подошел к шесту, воткнул его поглубже, подергал, качнул вправо, влево. Шест стоял крепко.

– Отлично! – сказал Иван Гермогенович.

Он засунул руку в карман, вытащил маленькую пузатую бутылку. Серебристые пузырьки, поднимаясь со дна бутылки, сталкивались и лопались. Иван Гермогенович разделся, бросил одежду на траву, взял в руки бутылочку с золотистой жидкостью.

– Я думаю, этого хватит вполне! – сказал он.

Посмотрев по сторонам, он грустно вздохнул и, запрокинув голову, выпил залпом все, что было в пузырьке.

– Ну вот и прекрасно! – пробормотал профессор и, размахнувшись, бросил пустой пузырек в пруд.

Некоторое время Иван Гермогенович стоял на месте, задумчиво посматривая на широкие круги, которые бежали один за другим по воде, на свои руки, потом шагнул вниз к пруду и... словно растаял.

Там, где только что стоял большой человек, теперь торчал одиноко длинный шест с красным флажком, а внизу, около шеста, валялась помятая одежда, ботинки и полосатые носки.

* * *

Что же стало с профессором?

Проглотив жидкость, он стоял, переступая босыми ногами.

И вдруг все вокруг начало изменяться чудесным образом.

Трава с удивительной быстротой потянулась вверх. Каждая травинка росла, набухала, становилась все толще и выше.

Не прошло и минуты, как вокруг Ивана Гермогеновича зашумел густой лес. Блестящие зеленые стволы обступили профессора со всех сторон. Каждое дерево было похоже на гигантский бамбук.

Высоко над вершинами деревьев тихо раскачивались огромные чаши красных, желтых, голубых цветов, осыпая лес золотой пылью, от которой шел пряный одуряющий запах.

– Ну вот, ну вот, – сказал, потирая руки, Иван Гермогенович, – я так и знал.

В этом удивительном лесу не было мрака и тишины, как в сосновом бору. Не походил лес и на березовую рощу, где листва шумит и шелестит не умолкая.

Нет, это был особенный лес.

Он весь светился, зеленый и солнечный. Голые блестящие стволы стояли на холмах, спускались в овраги. В лесу сияли синие озера, тихо журчали ручьи.

Тишину то и дело нарушали странные шорохи. Казалось, где-то совсем рядом осторожно крались за профессором какие-то звери.

Идти было трудно. Тело царапали острые листья. Иван Гермогенович поминутно проваливался в ямы. Солнце так припекало, что профессору казалось, будто он прогуливается в печке. Почва леса была похожа на поле битвы, изрытое артиллерийскими снарядами.

В густых зарослях то тут, то там висели липкие сети, и нужно было очень осторожно обходить эти ловушки.

– Паука работа! – бормотал Иван Гермогенович, пробираясь сквозь заросли.

Изредка он останавливался и долго стоял, рассматривая искусную работу лесного ткача. Но особенно внимательно профессор вглядывался в бесчисленные узелки, густо рассыпанные по всей паутине.

Ивану Гермогеновичу, конечно, было известно, что ловит насекомых не сеть, а именно эти крошечные, липкие узелки.

К ним, точно к свежему столярному клею, прилипают крылья и лапки насекомых, и тогда насекомое становится добычей паука.

Все это было давно известно профессору, но одно дело – знать, другое дело – видеть своими глазами.

Прошел уже целый час, а Иван Гермогенович совсем забыл, где он находится и зачем пришел сюда. Ему казалось, что он сидит у себя в кабинете, склонившись над микроскопом, и перед ним один за другим проходят его старые знакомые.

Но что микроскоп?! Разве через стекла микроскопа увидишь всего паука сразу?

Конечно нет.

Микроскоп позволяет рассмотреть только глаз паука, или кончик его ноги, или коготок, похожий на гребень, или узел паутины. А тут перед профессором сидел весь паук, огромный, как бык, и можно было сразу разглядеть его восемь глаз, две пары челюстей, восемь ног с коготками-гребнями и вздутое мягкое брюхо.

Но больше всего радовало Ивана Гермогеновича то, что паук был живой и охотился.

Под микроскопом – даже под самым совершенным микроскопом – нельзя увидеть, как паук ловит свою добычу. А вот сейчас профессор мог наблюдать это на расстоянии вытянутой руки.

Паук охотился.

Огромный свирепый хищник сидел притаившись около расставленных сетей. Прямо к нему тянулась сторожевая нить. А он сидел, как рыбак на берегу, и ждал.

Вот-вот дернется нитка – и тогда паук бросится на свою добычу, вонзит в нее когти с ядом, убьет и высосет из нее кровь.

Профессор смотрел на раскинутую сеть, позабыв все на свете.

И вдруг над его головой что-то прожужжало, точно снаряд, и с воем врезалось в сеть.

Сеть вздрогнула и заплясала.

– Ага! – крикнул Иван Гермогенович. – Есть одна!

В сетях билось, извиваясь и барахтаясь, огромное крылатое животное.

Оно было больше паука, во всяком случае длиннее его. Прозрачные, покрытые жилками крылья выгибались дугой, пытаясь оторваться от липких узелков паутины, но выбраться из сетей было не так-то просто.

– Оса! – решил Иван Гермогенович.

Он подошел поближе к сети и, покашливая, стоял, наблюдая за борьбой паука и осы.

Паук, опираясь на гребни ног, заскользил по своей паутине, прочесывая ее ногами. Он обежал вокруг осы раз, другой, потом стал подкрадываться к ней сзади.

Оса стреканула острым жалом.

Паук отпрыгнул назад и снова закружился, забегал вокруг осы. Но стоило ему только приблизиться к ней, как оса выгибала свое коленчатое брюхо и угрожающе вытягивала вперед гладкое острое жало.

Паук попробовал напасть на нее сзади, сбоку, но всякий раз его встречало осиное жало.

– Любопытно, очень любопытно! – бормотал профессор,

наблюдая за борьбой осы и паука.

Наконец после бесплодных попыток паук вынужден был отказаться от борьбы с опасной добычей.

Описывая широкие круги, он суетливо побежал по своей паутине, сотрясая ее, заставляя осу прыгать, как в люльке.

Оса забилась еще сильнее.

Бегая вокруг нее, паук торопливо обрывал нитку за ниткой. Наконец оса рухнула, увлекая за собой сеть, на край глубокого оврага. Беспомощно барахтаясь и запутываясь все больше и больше, она покатилась вниз по крутому склону, следом за ней посыпались комья земли и камни.

– Ага! Ага! Вот это прекрасно! – обрадовался Иван Гермогенович. – Это мне как раз и нужно. Очень удачно!

Он подбежал к оврагу, посмотрел вниз.

На дне оврага билась и корчилась покрытая сетями огромная оса. Она выгибалась полосатое туловище, каталась по земле, стараясь освободиться от паутины, но паутина только плотнее опутывала ее крылья, ноги, голову.

Профессор побежал по краю оврага, озабоченно посматривая под ноги.

И вот наконец он остановился перед большой каменной глыбой с острыми углами.

Поднять ее профессор, пожалуй, не взялся бы. Глыба была в несколько раз больше Ивана Гермогеновича. Но, к счастью, она висела над краем оврага. Нужно было только качнуть ее хорошенько, толкнуть, и она обрушится вниз, прямо

на дно.

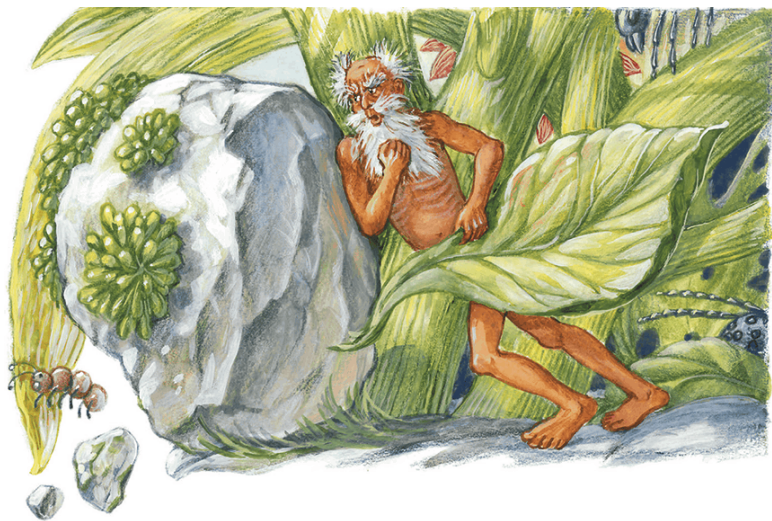
Профессор уперся ногами в землю и принялся раскачивать глыбу. работа была нелегкая.

Глыба шевелилась, качалась, как гнилой зуб. Но держалась крепко. Профессор пыхтел, как паровоз.

– Врешь! Врешь! – бормотал он, нажимая на глыбу плечом. – Качаешься – значит, упадешь.

Всего только каких-нибудь полтора часа назад Иван Гермогенович мог бы столкнуть такой камень в яму одним щелчком, но теперь это было уже не так просто.

Профессор покраснелся, запыхался. Лицо его покрылось потом.

– Отдохнем немного, – сказал, тяжело дыша, Иван Гермогенович и вытер ладонью потное лицо.

Он присел на камень.

Почти над самой его головой сновал паук, сооружая новую сеть. На брюхе паука Иван Гермогенович разглядел четыре вздувшихся, точно бурдюки с вином, бугра.

– Паутинные бородавки! – вспомнил профессор.

Однако теперь было бы смешно называть эти мешки бородавками. Каждый из них был значительно больше головы профессора. Иван Гермогенович без микроскопа видел в паутинных бородавках сотни дырочек, из которых сочились капельки тягучей жидкости. Они вытягивались, как ноги, тянулись за пауком и тут же свивались в толстые тросы с блестящими клейкими узлами.

В несколько минут паук закончил починку разорванной сети и тотчас же, накинув на нее сторожевую паутину, забрался с концом паутины в укромный уголок.

– Ну а я что же, – рассердился Иван Гермогенович.

Вскочив на ноги, он собрал все силы и уперся плечом в глыбу.

– А ну, взя-яли!

Толчок. Еще толчок.

– Эй, ухнем! Эй, ра-аз!

Глыба закачалась, повисла над оврагом как бы в раздумье и вдруг, с гулом и грохотом, обрушилась вниз, поднимая

столбы пыли. Когда пыль рассеялась, Иван Гермогенович закричал радостно:

– Ур-ра-а!

Глыба лежала на дне оврага. Под глыбой извивалась, судорожно перебирая ногами, раздавленная оса. Ее длинное полосатое брюхо сжималось, растягивалось, как мехи гармоники.

– Отлично! Очень хорошо! – сказал Иван Гермогенович, потирая руки.

Недолго думая, он спустил с обрыва ноги и, цепляясь руками за корни и выступы камней, начал осторожно спускаться на дно. Когда Иван Гермогенович добрался наконец до осы, она уже не шевелилась. Профессор толкнул ее ногой, потрогал руками – оса не двигалась.

– Ну вот, – сказал Иван Гермогенович и, посвистывая, спокойно принялся за работу.

Целый час он возился, пока ему удалось вытянуть из тела осы длинное, похожее на копьё жало.

– Прекрасное оружие! – сказал Иван Гермогенович, обтирая руками жало-копье.

С таким копьём теперь уже не страшно было бродить в травяных джунглях, разыскивая Карика и Валю.

В случае опасности профессор мог теперь уже не только защищаться, но и сам нападать на тех, кто вздумал бы сожрать его.

Теперь следовало позаботиться и об одежде. Как-никак, а путешествовать по лесу голым профессор не собирался.

Ловко орудуя острым копьём, Иван Гермогенович разре-

зал паутинные сети, в которых запуталась оса, тщательно очистил их от липких узлов и обмотал вокруг себя. Мягкие, шелковистые веревки плотно обвили его тело.

– Ну вот, – сказал профессор, – когда-то я только изучал пауков, а теперь придется пожить рядом с ними.

Он невольно поежился. Все-таки пауки не такие уж добрые соседи для человека его размеров. Ведь теперь даже крошечный комарик был для Ивана Гермогеновича таким же опасным, как медведь.

А пауки? Профессор знал, какое большое семейство пауков живет на свете. И крошечные, не больше булавочной головки, и огромные, как тарелки. И питается кое-кто из пауков не только насекомыми, но и мелкими птичками. По-разному и охотятся пауки. Одни плетут паутину и терпеливо ждут, когда в их сети влетит добыча, но есть пауки-охотники, которые арканят свои жертвы, набрасывая на них паутину, как лассо.

«Как хорошо, – подумал Иван Гермогенович, – что в нашей стране не живет мексиканский паук пододора. Уж с ним-то я не хотел бы встретиться».

Встреча с пододорой и в самом деле была бы ужасной.

У себя на родине, в Мексике, этот паук не ждет, когда к нему в паутину попадет добыча. Он бродит в листве деревьев, зорко высматривая летающих насекомых, а заметив подходящую добычу, подкрадывается к ней, держа в передних лапах длинную паутину-лассо с клейкими капельками

на конце.

Бесшумно подкравшись к жертве, пододора бросает, словно лассо, свою паутину, арканит добычу, а затем бежит к ней по липкой паутинке и пожирает ее.

– М-да, – пробормотал профессор, – у пододоры мне, пожалуй, не удалось бы отобрать паутину.

Он похлопал ладошками по новому костюму, очень довольный своей серебристой одеждой.

– Конечно, – сказал он, усмехнувшись, – костюм мой не такой уж модный, но в моем положении привередничать не приходится.

Костюм был, конечно, не слишком красив, но зато очень и очень прочен.

«Я в нем, как в панцире!» – подумал Иван Гермогенович с удовольствием.

Вскинув копье на плечо, он бодро двинулся в путь, обходя глубокие ямы, перепрыгивая через рытвины и канавки.

Выбирая дорогу, Иван Гермогенович то и дело останавливался, подолгу стоял на одном месте, прислушиваясь к лесному шуму, а иногда прятался за могучими зелеными стволами, откуда опасливо поглядывал по сторонам. Эти предосторожности были нелишними. Травяные джунгли кишмя кишели чудовищными животными.

Грохоча, словно листьями жести, над головой Ивана Гермогеновича пролетали стрекозы, более похожие теперь на гигантские самолеты, чем на обыкновенных насекомых.

Прыгая через вершины деревьев травяного леса, пронеслись зеленые, величиной с автобус, кузнечики.

Раздвигая могучими телами чащи джунглей, ползли полосатые гусеницы. Они были так велики и производили такой

шум, что профессору казалось, будто мимо него катятся по земле товарные, тяжело груженные поезда.

Изредка, быстро-быстро топоча ногами, припадая к земле длинными телами, пробегали сороконожки. Любая из ног этих тварей теперь легко могла бы сплющить профессора, вдавить его в землю.

Сражаться с этими животными травяных джунглей было бы, конечно, глупо. Да и не было для этого у Ивана Гермогеновича ни времени, ни охоты.

Пробираясь к пруду, синеющему сквозь просветы между деревьями, профессор шел, переходя от дерева к дереву, временами останавливаясь, чтобы получше разглядеть то дерево, то огромные, словно колокола великанов, цветы. Названия цветов Иван Гермогенович прекрасно знал; а в те дни, когда профессор был обыкновенным человеком, он мог без труда сказать, как называется любой цветок, но сейчас он уже не назвал бы с уверенностью, пожалуй, ни одного цветка. Все цветы были так огромны, что многие из них профессор просто не мог узнать, и это очень забавляло его.

– Ну, вот этот, например, – вздыхал Иван Гермогенович, поглядывая на голубой шар, похожий на гнездо аиста, – как же он называется в нашем мире?

Но кто же мог ответить теперь профессору на его вопросы?

Над вершинами леса тихо качались розовые кувшины, гигантские желтые звезды, красные шары, синеватые корзин-

ки. Из шаров, точно иглы ежа, торчали во все стороны свекольно-красные трубы.

– Что же это такое? – заинтересовался Иван Гермогенович и, вдруг хлопнув ладонью по лбу, крикнул со смехом: – Клевер! Обыкновенный клевер!

Рядом с цветами клевера раскачивались в воздухе, вздрагивая и приплясывая, лиловые колокола. Они просвечивали на солнце, и земля под ними казалась тоже лиловой.

– Ну, вас-то я знаю! – весело сказал профессор. – О вас даже стихи написаны.

И он запел во весь голос:

Колокольчики мои,
Цветики степные...

– Если такой цветок оборвется и упадет на мою голову, я вряд ли останусь живым, – засмеялся Иван Гермогенович.

С любопытством разглядывая незнакомый мир, Иван Гермогенович пробирался сквозь заросли травяных джунглей.

Скоро перед его глазами открылась необъятная водная гладь.

Вода сверкала на солнце, как огромное зеркало.

– Кажется, это должно быть здесь! – в раздумье сказал Иван Гермогенович.

Он вышел на опушку травяного леса.

Путь его пересекала длинная, узкая канава, заполненная

до краев коричневой водой. Иван Гермогенович разбежался, подскочил и легко перепрыгнул через канаву, но в ту же минуту он почувствовал, как земля под его ногами ползет, оседает.

Профессор вскрикнул и, болтая в воздухе ногами, полетел вниз, в нору. Упав на дно, Иван Гермогенович вскочил на ноги, огляделся. Над головой его синело далекое небо. Слабый свет освещал черные стены норы, густо оплетенные подземными корнями. Прямо перед собой Иван Гермогенович заметил вход в черный тоннель. Профессор нагнулся. Из тон-

неля в лицо дохнуло сыростью и холодом.

– Н-да, – сказал Иван Гермогенович.

Он отошел от тоннеля и полез по отвесной стене норы, цепляясь руками и ногами за подземные корни. Он уже почти добрался до самого края, оставалось только протянуть руку, и солнце снова засияло бы над головой, но в ту самую минуту, когда голова профессора высунулась из норы, он увидел перед собой безобразную морду какого-то чудовища.

– Извините! – вежливо сказал профессор и тотчас же, торопливо втянув голову в плечи, юркнул обратно в нору.

Чудовище, шевельнув огромными лапами, повернулось к профессору, и глаза их встретились.

«Жук, – чуть не крикнул Иван Гермогенович, – жук-навозник!»

Жук катил к норе огромную серую грушу, которая не поместилась бы даже в самой большой комнате, если бы вдруг весь мир уменьшился так же, как Иван Гермогенович. Подталкивая грушу, жук придвинул ее к краю норы, и не успел профессор вспомнить латинское название жука, как груша закупорила нору и закрыла собою небо.

В норе стало темно. Испуганный профессор быстро вскарабкался по стене и изо всей силы стал толкать грушу плечом и головой. Он старался открыть выход из подземелья, но все было напрасно.

Груша не поддавалась. Он нажал сильнее, но как раз в это время жук-навозник навалился сверху на грушу с такой си-

лой, что она закупорила нору, как пробка бутылку.

Сильный толчок сбросил профессора вниз. На голову посыпалась земля, в грудь больно ударил острый камень.

– Та-ак... – крикнул профессор.

Потирая ушибленную грудь, он попытался подняться и вдруг почувствовал, что в этой темной норе он не один.

Профессор быстро оглянулся. Сзади, за его спиной, кто-то шевелился, осторожно подкрадываясь к нему. Иван Гермогенович пошарил вокруг себя руками. Пальцы его нащупали копьё. Он крепко сжал его и, вскочив на ноги, прижался к стене.

«Тцз-а-анк!» – щелкнуло совсем рядом.

Профессор услышал прерывистое дыхание.

Он замахал перед собой копьём и хрипло закричал:

– Кто? Кто там?

Глава пятая

В плену у паука. Битва в подводной тюрьме. Растение-бродяга. Скверное положение. Карик находит выход

Карик открыл глаза и вдруг вспомнил все. Вспомнил, как они с Валею летели на стрекозе. Вспомнил страшный хобот водомерки, сильные лохматые лапы паука.

Вокруг было темно и пахло сыростью. Где-то внизу, под ногами, тихо плескалась вода. Рядом с Кариком кто-то очень-очень тихо дышал. Карик лежал, вытянувшись во весь рост, но никак не мог понять, на чем же он лежит. В голове у

него шумело, руки и ноги одеревенели. Он застонал и тотчас же услышал испуганный голос Вали:

– Тише! Он здесь!

Карик повернул голову и стукнулся лбом о Валин висок. Валя тихо вскрикнула.

Карик попробовал отодвинуться от нее подальше, но не мог: кто-то обмотал его и Валю с ног до головы толстыми веревками и крепко-накрепко привязал друг к другу.

Карик рванулся посильнее, и вдруг от сильного толчка он и Валя начали раскачиваться, как на качелях, из стороны в сторону.

– Тише! – быстро зашептала Валя. – Тише, пожалуйста!

Он внизу.

– Паук?

– Ага... Он сейчас возился там... Я слышала...

– Тебе страшно?

– Очень. А тебе?

– Тоже страшно, только ты не плачь. Сначала попробуем как-нибудь освободиться.

Карик раздвинул головой веревочные сети и огляделся. Внизу чернела вода, из которой поднимались темные гладкие стены, а над головой – покаты́й потолок.

Ребята висели в воздухе посреди норы.

– Понимаешь, – прошептал Карик, – он подвесил нас.

Прицепил к потолку.

– Ага, – кивнула Валя, – подвесил, я уже давно это поняла.

– А зачем?

– И я думаю: зачем?

– Ничего не придумала?

– Нет.

Карик с трудом выдернул из паутиных веревок сначала одну руку, потом другую.

– Что ты делаешь, Карик?

– Тише! Молчи!

Стараясь не дышать, Карик окончательно высвободил голову и стал смотреть вниз.

Внизу, как раз под ребятами, суетился паук. Он беспокойно бегал по воде вдоль стен своего жилища, время от времени останавливаясь и как будто к чему-то прислушиваясь.

Сверху, с потолка, отрывались водяные шары-капли и звонко шлепались о поверхность черной воды. К потолку взлетали фонтаны брызг. До слуха Карика донесся глухой шум. Где-то совсем рядом – кажется, за стеной – не то стучали, не то скребли. Было похоже, что там бродит человек, шарит по стене, отыскивая дверь.

Этот шум определенно беспокоил паука. Он то и дело подсакивал к стене, ждал чего-то, потом, шевеля длинными лапами, пятился в сторону.

– Ты слышал? – тихо сказала Валя. – За стеной шумит кто-то.

– Да, да, – зашептал Карик, – я слышу.

Шум становился все сильнее и сильнее.

Казалось, в стену били мягкими, но увесистыми кулаками.

– Сюда кто-то лезет! – шепнула Валя.

В ту же минуту стены подводного дома дрогнули так сильно, что ребят подбросило в их паутинной люльке вверх. Люлька ударилась о стену и закачалась, точно маятник.

– Смотри: паук-то, паук! – зашептала Валя.

Паук выскочил на середину норы. Беспokoйно перебирая ногами, он уставился всеми глазами на стену своего жилища.

И вдруг стена треснула. В воду посыпались куски, похожие на штукатурку. В проломе стены показались большие мохнатые лапы.

Лапы с силой рванули стену. Подводный дом задрожал, закачался. Люльку с ребятами начало кидать от одной стены к другой.

Стена рухнула.

С шумом и плеском в подводное жилище ворвался толстый паук, похожий как две капли воды на хозяина подводного дома. Он подобрал под себя коленчатые ноги, как бы приготавливаясь к прыжку, и тихо-тихо стал продвигаться вперед.

Хозяин подводного дома взмахнул щупальцами.

Пауки смотрели друг на друга выжидающе.

Потом хозяин поднял щупальца высоко над головой и стремительно бросился на непрошеного гостя.

В темноте началась жестокая битва.

Щупальца свистели в воздухе, шлепали по воде. К потолку взлетали брызги, и скоро стены покрылись дрожащими каплями воды.

Битва пауков сотрясала подводный дом так, что дрожмя

дрожали стены, качался купол и вода кипела внизу, словно в котле.

От сильных толчков снова начала раскачиваться люлька, в которой лежали ребята. С каждым новым толчком она взлетала все выше и выше, ударяясь то в одну, то в другую стенку.

Перед глазами Карика и Вали мелькали, точно в кино, стены, купол, пауки, вода и снова купол, стены, вода.

Пауки бились молча. Они оплетали друг друга мощными лапами, раскачивались, как борцы в цирке, потом вдруг отскакивали один от другого, настороженно поглядывая свирепыми глазами друг на друга, и снова, словно по команде, кидались в бой, и тогда опять клокотала и пенилась внизу вода, а стены подводного дома тряслись от могучих толчков так, будто началось землетрясение.

Ребята следили за битвой страшных пауков, не смея дышать.

– Ой, Карик, – вдруг захныкала Валя, – ой, куда мы попали? Никто теперь не узнает... Ни мама... никто... никто...

– Тише ты! – захрипел Карик. – Болтаешь тут, а надо бежать... освободиться как-нибудь. Молчи, пожалуйста, кажется, я освобожу сейчас ноги.

От сильных толчков и раскачивания паутинные веревки ослабели. Помогая друг другу освободиться от веревок, ребята, хотя и с большим трудом, все-таки выбрались из веревочной люльки.

Руки и ноги Карика и Вали были свободны, но что же, однако, делать, если пауки нападут на них?

Сражаться с такими чудовищами было не под силу Карик и Вале. Некуда было бежать, негде было и спрятаться.

– Ничего, ничего, Валька! Не бойся! – прошептал Карик дрожащими губами. – Как-нибудь выйдем отсюда. Ты только не плачь, пожалуйста!

– Я совсем не плачу! – всхлипнула потихоньку Валя и

незаметно от Карика поспешно провела ладонью по глазам.

Поглядывая на пауков, Карик вылез осторожно из веревочной люльки, протянул руку к толстому канату, который спускался с потолка к люльке, и, держась за канат, встал во весь рост.

Внизу было тихо. Вытянув шею, Карик смотрел на пауков и что-то бормотал под нос. В эту минуту он был похож на судью ринга, который стоит над боксером, сбитым на землю, и считает:

– Раз, два, три... пять... семь... девять!

Если сбитый на землю боксер не может подняться после того, как судья скажет громко «девять», – значит, боксер считается побежденным.

А Карик считал все громче и громче:

– Сто один, сто два, сто три, сто четыре... Ура! – вдруг закричал он. – Оба готовы! Смотри, они не шевелятся! Вставай! Я же говорил, не надо плакать. Теперь нам только бы выбраться отсюда поскорее!

Валя поднялась, встала рядом с братом.

– Да, – сказала она, вздохнув, и посмотрела по сторонам, – а как же выбраться? Ты знаешь?

– Ерунда! – уверенно сказал Карик. – Какой-нибудь вход и выход тут должен быть!

– А может быть, и не должен!

– Вот здорово! – усмехнулся Карик. – А как же, по-твоему, нас притащил сюда паук? Надо искать вход и выход! Он

должен быть здесь! Смотри получше!

Ребята свесили головы, но Валя не видела ничего, кроме пауков. И это было немудрено, потому что она смотрела только на них, все еще не веря, что они погибли в жаркой схватке.

Безжизненные туши покачивались на темной воде.

Волны загнали пауков к пролому в стене, и они лежали на воде бок о бок, рядом, не обращая друг на друга внимания.

В подводном доме наступила такая тишина, что стали слышны тихие всплески воды и шум капель, падающих на воду с обрызганных стен и купола подводного дома.

– Сдохли! – радостно крикнул Карик.

Он нагнулся, вытянул шею и плюнул сначала на одного паука, потом на другого. Пауки не шевелились.

Ребята посмотрели друг на друга: сдохли или не сдохли?

Карик крикнул:

– Эге-ге-гей!

Пауки плавали, точно кожаные подушки, надутые воздухом.

– Сдохли! – уже уверенно сказал Карик и, смерив глазами расстояние до воды, выпустил из рук веревку. В воздухе мелькнули руки и ноги, и Карик камнем упал в воду.

– Карик! Сумасшедший! – закричала Валя, с тревогой взглянув на взметнувшийся вверх фонтан брызг.

Голова Карика показалась на поверхности воды. Вынырнув, он осмотрелся по сторонам и поплыл к паукам саженками.

– Карик! – завизжала Валя. – Вернись! Они еще дышат!

Но Карик, не обращая внимания на крики сестры, подплыл к одному пауку и, подняв руку над водой, сильно хлопнул его по брюху. Брюхо загудело, как барабан.

Карик поспешно отплыл прочь, но, взглянув на паука, вернулся обратно и ударил его пяткой по голове. Паук не шевелился. Тогда Карик залез на тушу, как на плот, и встал во весь рост.

– Прыгай! – крикнул Карик, махнув Вале рукой.

– Нет! – мотнула Валя головой. – Тут высоко очень!

– Что ж, ты всегда сидеть там будешь? Все равно придется прыгать! Ну! Прыгай!

Валя тяжело вздохнула.

– Прыгай скорей, а то, может, сюда придут другие пауки, тогда нам еще хуже будет.

Валя закрыла глаза, разжала руки и, взвизгнув, грохнулась вниз. Карика ударил дождь брызг. Волны качнули пауков.

Фыркая и отдуваясь, Валя вынырнула из воды.

– Лезь сюда! – крикнул Карик, барабанив ногами по вздутому брюху паука. – Не бойся! Давай руку!

Бледная и дрожащая Валя подплыла к страшной туше, нащупала руками толстое, мохнатое тело паука, но тотчас же, отдернув руку, испуганно вскрикнула:

– Ше-е-ели-ится!

– Не ври! Никто не шевелится! – рассердился Карик. – Ну, скорей!

Наконец после долгих уговоров Валя взяла руку, протянутую Кариком, и он вытащил ее на страшный плавучий островок.

Паук не шевелился.

Бояться было нечего. Валя присела на корточки и стала выжимать мокрые волосы, а Карик встал во весь рост и принялся внимательно разглядывать мрачную нору паука.

– Надо уходить отсюда, – вздохнула Валя. – Надо поискать дверь.

– А вот она, дверь-то! – Карик протянул руку к черному пролому в стене.

Всплеснув ладонью над головой, он прыгнул в воду и быстро поплыл к пролому в стене.

Валя с беспокойством следила за Кариком, а когда он скрылся в темноте, она закричала:

– Ну что? Что там?

Карик молчал. Валя взглянула под ноги и побледнела. Ей показалось, что паук начинает шевелиться.

– Ка-ари-ик! – закричала она.

Голос ее прокатился под сводами и замер.

– Ка-а-ри-ик! – крикнула Валя еще громче.

Она уже приготовилась прыгнуть в воду и поплыть за братом, но в эту минуту Карик показался в темном проломе.

– Чего ты кричишь? – сказал он сердито.

Увидев Карика живым и невредимым, Валя успокоилась. Она протянула брату руки и, помогая ему взобраться на паука, спросила:

– Ну, что ты видел? Там есть какая-нибудь дверь?

– Нет. Такая же нора, как наша, – ответил Карик, пожимая плечами.

– А есть там кто-нибудь?

– Никого!

Карик сел, подтянув колени к самому подбородку, и, обхватив их руками, задумался.

– И двери нет?

– Нет!

– А что, если нам нырнуть под стену?

– Под стену?

Карик нагнулся. Свесив голову, он стал рассматривать темную воду.

Сквозь толщу воды было видно черное илистое дно пруда. Серебристые паутинные веревки поднимались из черного ила к самым краям подводного колодца, удерживая его, не давая ему всплыть.

– Надо нырнуть под стену! – повторила Валя.

– А это ты видишь?

И Карик показал рукой на растянутые под водой сети, которые оберегали вход и выход в подводную тюрьму.

Нет! Нырять было страшно.

– Должна быть дверь! – сказал Карик. – Ведь мы же как-то вошли сюда.

Валя что-то промычала.

Карик взглянул на сестру и быстро схватил ее за руку.

– Валя, что с тобой?

Она сидела бледная, широко открыв рот.

– Душно, – хрипло сказала она, – мне... не хватает воздуха...

– Сейчас, сейчас! – растерянно забормотал Карик.

Но он не знал, как помочь сестренке, да и у него что-то набухало в груди, распирая до боли ребра.

В голове шумело, сердце билось сильно-сильно, будто Карик поднимался на крутую высокую гору. Сырой, тяжелый воздух входил в легкие, как перегретый пар; он только стеснял дыхание.

Надо было что-то делать.

– Ты не бойся! – сказал Карик, тронув Валину руку. – Как-нибудь выберемся!

И снова, в сотый раз, стал осматривать подводную тюрьму. Голова Карика кружилась. Он наклонился, зачерпнул пригоршней воды, плеснул на лицо, и вдруг рука его повисла в воздухе. Он увидел на черном илистом дне огромные зеленые яйца, расщепленные с одного конца. Одно яйцо шевельнулось, медленно отделилось от ила и, стукнувшись о край подводного дома, взлетело куда-то вверх. Так же всплыло и исчезло второе яйцо.

Карик протянул руку Вале.

– Водокрас! Видишь? – сказал он дрожащим голосом.

Карик не ошибся: это были почки водокраса – водяного растения.

В большом мире он часто видел почки водокраса и теперь узнал их без особого труда. Вместе с другими юными натуралистами он собирал эти почки для школьного уголка юннатов и даже написал однажды об этом удивительном растении заметку для «Пионерской правды».

Водокрас – бродячее растение – путешествует все лето по прудам и озерам, гонимое ветром от берега к берегу. Корни его, похожие на усики земляники, добывают питание прямо из воды. К концу лета на усиках появляются молодые побеги. Они выходят на поверхность воды и тут распускаются в листья, похожие на сердце, как его рисуют на картинках.

Зимой водокрас вмерзает в лед и погибает. Но еще раньше он успевает разбросать по дну свои удивительные почки.

Всю зиму почки – зеленые яйца – лежат на дне. А лишь только наступают теплые дни, они наполняются газами, всплывают наверх и здесь превращаются в плавающее растение.

Вот эти-то почки водокраса и увидел Карик.

Схватив Валу за руку, он быстро-быстро заговорил:

– Слушай! Эти штучки взлетают как пробки... Надо нырнуть и схватиться за одну из них. Они сами нас вынесут наверх...

– А паутина? Смотри, сколько веревок под водой.

– Все равно надо попробовать... Ныряй скорей!

Как раз в эту минуту на дне зашевелилось гигантское зеленое яйцо. Раздумывать было некогда. Почка отделилась от черного ила и начала всплывать.

– Ныряй! – крикнул Карик.

Валя собрала все силы. Глубоко вздохнув, она оттолкнулась от паука и исчезла под водой. Карик видел, как, нырнув

под стену, Валя ухватилась обеими руками за толстую почку водокраса и вместе с ней взлетела вверх. Следом нырнул и Карик.

Раскрыв под водой глаза, он добрался до зеленой торпеды. Она шевельнулась. Карик обхватил руками и ногами толстые скользкие бока и тотчас же завертелся волчком. Почка водокраса перевернулась несколько раз и вдруг стремительно помчалась вверх, пробивая толщу воды.

Наверное, долго все-таки пришлось ей сверлить воду, потому что Карику уже нечем стало дышать. Еще минута – и у него лопнуло бы от недостатка воздуха сердце, но, к счастью, в это самое мгновение он как пробка вылетел на поверхность воды. В лицо ударили горячие лучи солнца. Ослепленный ярким светом, Карик барахтался в воде и дышал. Дышал полной грудью.

Рядом плавала Валя, с жадностью глотая свежий воздух.

– Эй, Валя, – засмеялся Карик, – жива? Дышишь?

– Дышу!

– Главное – не бояться ничего, – радостно сказал Карик, – не падать духом, не хныкать. Уж если мы от такого страшного паука сумели уйти, – значит, и до дома сумеем добраться.

Бедные ребята даже не подозревали, что придется пережить им в этом незнакомом мире и какие опасности встретятся на их пути до возвращения домой.

Глава шестая

Отважные водоплаватели. Странные пассажиры. Карик и Валя пробиваются сквозь водяные джунгли. Поиски пищи. Ребята находят удивительные ягоды. На краю гибели

Подняв голову над водой, ребята смотрели по сторонам. Всюду, куда только хватало глаз, расстилалась синяя водная гладь, и только на западе, где опускалось солнце, чернела зубчатая стена леса.

Над лесом клубились облака.

– Надо добираться до земли, – сказал Карик, – а потом и до дома.

– Доплывем, думаешь? – спросила Валя, глядя на далекий берег.

– Доплывем! – уверенно сказал Карик. – Вот на этих штука-х обязательно доплывем. Залезай на свой корабль.

Ребята сели верхом на зеленые торпеды.

– Греби ногами!

Они стали болтать в воде ногами, стараясь двинуться в путь, но огромные почки только покачивались, а с места не трогались.

– Стой! – крикнул Карик. – Перебирайся ко мне! Будем грести вдвоем.

Валя перебралась к брату. Почка водокраса погрузилась в воду больше чем наполовину.

– Греби! – сказал Карик.

Ребята дружно ударили по воде руками, как веслами. Почка вздрогнула и медленно поплыла.

Сначала почка вертелась то вправо, то влево, но скоро дело наладилось. Разрезая носом воду, зеленая торпеда поплыла к берегу.

Ребята гнали ее вперед и вперед, усердно работая руками.

Со стороны берега доносился какой-то странный шум. Кажалось, кто-то шлепал по воде не то доской, не то веслами; и чем ближе ребята подплывали к берегу, тем явственнее слышался этот шум. И вдруг совсем рядом оглушающе заревело зеленое чудовище.

«Ква-а-а-га-а-га-га!» – разнеслось по воде.

Валя, вздрогнув, чуть не свалилась с почки водокраса.

– Кто это? – прошептала она, переставая грести.

– Лягушка!.. Наверное, лягушка... Обыкновенная лягушка, только побольше пятиэтажного дома. Не бойся.

– Да, – жалобно сказала Валя, – обыкновенная... Нас теперь любая муха может сожрать, не то что пятиэтажная лягушка.

– Ничего, – успокоил Карик сестру. – Лягушка не заметит нас.

Валя замолчала.

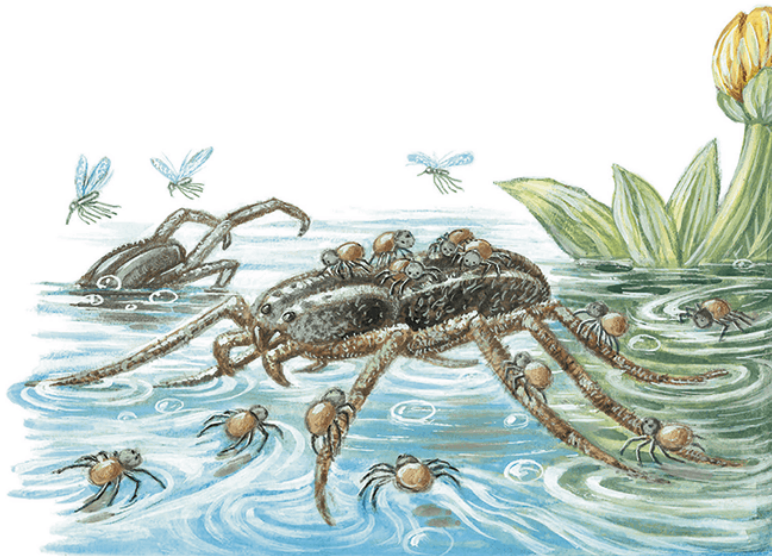
Ребята плыли теперь, огибая зеленые, изрезанные бухтами берега. Из воды поднимались мясистые ярко-зеленые острова; они чуть покачивались, точно плоты на мертвых якорях. Чтобы не налететь на них, нужно было зорко смотреть по сторонам.

– Как ты думаешь, что это такое? – спросила Валя, указывая на один из островков.

– Не знаю, – нерешительно ответил Карик, – наверное, листья какие-нибудь... Наверное, водяные растения.

То справа, то слева выбрасывались из воды круглые животные с гладкой, отполированной, точно кузов легкового автомобиля, спиной. Да и сами они были не меньше автомобиля.

Расправив крылья, животные взлетали и снова падали в воду, поднимая тучи брызг.

В широком протоке между островами ребята увидели коричневое волосатое чудовище на длинных изогнутых ногах. Оно сновало взад и вперед, скользя по воде круглым, толстым брюхом.

На спине толстобрюхого зверя сидело пять таких же зверенышей, но они были еще маленькими и беспомощными. Крепко вцепившись в свою маму, малыши беспокойно поглядывали по сторонам.

Время от времени толстобрюхий волосатый зверь останавливался, вылавливал из воды каких-то животных. Малыши тотчас же соскальзывали со спины на воду, быстро воз-

вращались на спину с куском добычи и тут же пожирали ее.

– Слушай, – испуганно прошептала Валя. – Это тоже какой-то паук.

Ребята, перестав грести, с ужасом рассматривали огромного водяного зверя. Почка лениво покачивалась на воде.

– А на спине у него – паучата, – сказал Карик. – Подождем лучше немного, пускай они уйдут подальше.

Но тут из-за острова выскочил другой паук, такой же коричневый и волосатый. На спине у него тоже копошились детеныши.

Пауки бросились один на другого.

Это были пауки доломеды – надводные хищники.

Они свирепо столкнулись друг с другом. Паучата кубарем слетели в воду. Пока большие пауки дрались, их детеныши бестолково бегали по воде, быстро собирались в кучки и снова разбегались в стороны. Но вот битва кончилась.

Один из пауков начал медленно погружаться в воду. Широкие водяные круги подхватили паучат, качнули их вверх-вниз.

Они запрыгали на волнах, точно неоперившиеся утята.

– Сейчас маленькие передерутся! – тихо сказала Валя.

Но малыши вряд ли могли сражаться. Они суетливо забегали по воде, налетали один на другого, кувыркались, а потом все кинулись к пауку-победителю и, толкаясь, проворно взобрались к нему на спину.

Карик и Валя переглянулись.

– Как ты думаешь, – спросила Валя, – сбросит он чужих паучат со спины или не сбросит?

Но паук доломед и не заметил даже, что пассажиров на спине стало чуть ли не вдвое больше.

Он спокойно стоял на воде, расставив длинные ноги, и ждал, пока все паучата усядутся. А когда все до одного уселись, он как ни в чем не бывало помчался вперед и скоро исчез в лабиринте островов.

Ребята поплыли дальше.

– Интересно... – задумчиво сказала Валя.

– Что – интересно?

– А интересно, что они ели, эти паучата?

Карик пожал плечами:

– Какую-нибудь гадость!

Валя вздохнула.

Она вспомнила, что ничего еще не ела со вчерашнего дня, и тихонько сказала:

– А может быть, это совсем не гадость. Сначала, может

быть, невкусно, а потом привыкнешь – и ничего. Станет вкусно.

Время было обеденное.

Ребята задумались. что-то делают сейчас дома? Бабушка, наверное, накрывает на стол. Мама говорила вчера: «Обед будет очень вкусный. Не опоздайте смотрите».

– Как ты думаешь, – спросила Валя, – что у нас сегодня на обед?

– Кажется, окрошка и пирог с луком и яйцами.

Валя проглотила слюну.

– А может быть, борщ со свининой, с ветчиной или сосисками. А на второе бифштекс с луком и поджаристой картошкой. Ты что бы съела?

– Я? – Валя подумала немного и сказала: – Я бы сейчас съела корочку хлеба и... немножко сыру.

– А я, – сказал Карик, – я бы бифштекс. Только большой... Как тарелка... И много-много картошки с зеленым салатом, а потом я мог бы съесть целый пирог и земляничный торт, а потом...

Валя перестала грести. Она повернулась к Карику и спросила:

– А что же мы будем обедать?

– Обедать сегодня не придется.

– А ужинать?

– И ужинать не придется.

– А завтракать?

– И завтракать не придется.

– А что же придется?

– Ничего, – сказал угрюмо Карик. – Придется об этом не думать.

Валя вздохнула.

– Ну гребь! Давай к берегу поскорей! – крикнул Карик. – На берегу найдем что-нибудь.

– Хорошо бы найти землянику. Она теперь в десять раз больше нас. Наверно, такая большая, как копна сена. Знаешь, в одной яголке можно будет сделать пещеру и жить в ней, а кушать можно стенки пещеры и потолок.

– Не болтай! – нахмурился Карик. – Гребь лучше, там увидим.

Валя замолчала.

Под дружными взмахами рук и ног почка мчалась к берегу, вспенивая воду. Сзади, точно водяные усы, тянулся длинный растекающийся след.

Берег приближался с каждой минутой.

Все выше и выше поднимался из воды лес. Казалось, он сам плыл навстречу ребятам.

– А ну нажми! – покрикивал Карик.

– Даю самый полный ход! – пыхтела Валя.

Почка летела стрелой.

Не прошло и часа, как перед юными путешественниками вырос, заслоняя солнце, высокий тростниковый лес. Густая холодная тень лежала на воде, и вода около леса была прохладная, не такая, как на солнце.

Почка плыла между могучими коленчатыми стволами; они росли прямо из воды. Вершины их уходили к самому небу.

– Тише гребите! – скомандовал Карик.

– А что?

– Тут кто-то есть! Слышишь?

Ребята перестали грести.

Карик прижал палец к губам.

Тревожно поглядывая друг на друга, брат и сестра молча прислушивались к нестройному шуму, который доносился до них из леса.

Кривые стволы качались, терлись один о другой, громко скрипели. В темной чаще леса, откуда тянуло холодом и сыростью, кто-то шумно плескался, кто-то пронзительно стрекотал, верещал.

Лес стоял, словно затопленный половодьем. Сквозь просветы блестели синие разводья, а дальше поднимались сплошные густые заросли. По воде между тростниковыми деревьями носились странные быстроногие животные, а за ними вдогонку мчались другие, еще крупнее и страшнее. Они настигали свою добычу и тут же пожирали ее.

– Да-а-а! – сказал Карик и тихонько свистнул.

Валя поняла его без слов.

Испуганно поглядывая на брата, она спросила шепотом:

– Обрато поедем? Да?

– Куда обрато? – сказал Карик, помолчав минуту. – Надо пристать к берегу, где нет страшилищ. Поищем другой берег.

Они выбрались из зарослей на чистую воду и погнали почку вдоль тростникового леса, то и дело оглядываясь, стараясь держаться от него подальше.

– Знаешь, – сказала Валя, – я предлагаю назвать этот берег «Джунгли кошмарных ужасов».

– Ну и глупо! – сказал Карик.

– Почему глупо? – удивилась Валя. – Все путешественники дают названия. Я сама читала у Жюля Верна.

Карик ничего не ответил. Посматривая на тростниковый лес, мимо которого они плыли, он насвистывал невеселую

песенку.

– Или, – сказала Валя, – можно назвать «Лес кровавых тайн».

– Ладно, – буркнул Карик, – греби знай.

Тростниковый лес понемногу редел и скоро совсем кончился. Справа потянулся пустынный берег, засыпанный желтыми, сверкающими на солнце камнями.

Было так жарко, что все живое попряталось, отсиживаясь под листьями, под камнями. Ребята плыли теперь, не встречая ни одной живой твари. Путь был свободен.

Карик повеселел.

– Вот эти берега, – сказал он, показывая рукой на камен-

ные завалы, – я назвал бы «Мыс добрых надежд».

– Почему мыс? Я не вижу никакого мыса.

– Это неважно, – ответил Карик, направляя почку к берегу, – может быть, пока мы путешествуем, мыс какой-нибудь появится.

– А я...

– А я причаливаю! – закричал Карик, брызгая водой в лицо Вали. – Р-р-раз!

Ребята в последний раз взмахнули руками, и зеленая торпеда врезалась в каменистый берег. От сильного толчка почка перевернулась. Карик и Валя полетели в воду, но быстро вскочили и, цепляясь руками за выступы желтых скал, вскарабкались на берег.

Камни были горячие от солнца. Валя села на один из них и сейчас же вскочила.

– Что? Кусается? – засмеялся Карик. – Как ты предлагаешь назвать этот камень?

Он приставил растопыренную ладонь козырьком к глазам, оглядел горизонт и сказал:

– А знаешь что?.. Ведь эти камни – песок. Когда мы были большие, он казался нам мелким, а теперь каждая песчинка стала для нас как камень.

– Ну и что же?

Карик вздохнул и сказал:

– Говорят, в Африке пекут яйца, зарывая их в песок. Боюсь, как бы нам не поджариться на этих камнях.

Он потрогал рукой камень и покачал головой.

– Нет, тут нам нельзя высаживаться! Надо ехать дальше.

Ребята вернулись на зеленую торпеду, и почка снова тронулась в путь.

– Я предлагаю, – сказала Валя, – назвать этот берег...

– «Тайной ужасных камней», – подхватил Карик и громко захохотал.

Валя обиженно замолчала. Сдвинув брови, она сидела, усердно подгоняя зеленую торпеду руками и ногами. Молчал и Карик.

Сколько времени гнали ребята почку водокраса вдоль желтого берега, они и сами не знали, но руки и ноги у них начали уставать.

– Если бы ты знал, как хочется есть! – заговорила Валя, нарушив долгое молчание.

– Знаю, – отозвался Карик, – у меня у самого все кишки слиплись.

– Хорошо бы, – сказала Валя, – поймать кого-нибудь и поджарить на этих камнях...

– Кого, например?..

– Ну, кого-нибудь... Бабочку... Стрекозу...

– Ты думаешь, это будет вкусно?

– Конечно! Если поджарить, обязательно будет вкусно.

– А я, – признался Карик, – я и сырую, кажется, мог бы съесть... Только нам не справиться с ней.

Так, разговаривая, они доплыли до берега, покрытого зарослями травяного леса.

Над лесом поднимался знойный пар летнего дня. То тут, то там стояли узловатые стволы деревьев, похожие на баобабы, которых Карик и Валя видели на картинках.

– Тут, – закричала Валя, – должны быть ягоды! Уж это я знаю. В лесу всегда бывают ягоды. Давай причаливай!

Почка остановилась у пологого берега. Ребята прыгнули на землю и, спотыкаясь, побежали к лесу.

В лесу было душно. От деревьев пахло болотной травой. На их зеленых блестящих стволах не было коры. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густые заросли, ложились на землю редкими желтыми пятнами. Земля под ногами была влажной и вязкой.

– Ну! – крикнула Валя, углубляясь в чашу леса. – Кто первый найдет обед?

– Ладно, – сказал Карик, – ищи, только не отходи далеко, а то мы еще потеряемся тут.

Перекликаясь и аукаясь, ребята шли по лесу, зорко по-

смастривая по сторонам. По дороге они останавливались, отводили обеими руками тяжелые листья и смотрели, нет ли под листьями ягод. Они залезали на травяные деревья и там искали ягоды. Но ягод не было.

Вот странный лес! Неужели придется умереть от голода?

Вдруг ребята услышали впереди глухой шум.

Они остановились. Карик поднял руку.

– Ты слышишь?

– Ага, – кивнула головою Валя. – Это вода! Кажется, это речка шумит. Идем! Около речек всегда бывают ягоды. Я знаю!

Валя побежала.

Карик бросился за ней.

– Тише! – закричал он. – Может быть, это не речка вовсе, а какая-нибудь лягушка дышит.

Он взял Валу за руку.

Ребята двинулись в ту сторону, откуда доносился шум, прислушиваясь к каждому подозрительному шороху.

Кучи поваленных стволов, обросших слоем высохшей грязи, преграждали им путь. Сухие листья стояли стеной, а когда ребята попробовали обойти один листик, он упал на них, и они еле выбрались из-под него.

Наконец Карик и Валя подошли к высокому холму. Они взбежали на его вершину и вдруг почувствовали, как в лицо им повеяло холодом. Впереди шумел поток. Раздвинув руками заросли, они увидели перед собой речку. Речка была

невелика. Бурля и пенясь, она скакала по камням, неслась, виляя то вправо, то влево, низвергаясь грохочущими водопадами.

– Вижу! – закричала Валя.

Она вырвала свою руку из руки брата, оттолкнула его и помчалась вперед.

– Валька! Стой! Назад!

Но Валя уже скрылась за стволами деревьев.

– Сюда! Сюда!.. – услышал Карик ее голос. – Скорей! Здесь ягоды! Да какие большие! Скорее, Карик!

Карик побежал на голос сестры. Валя стояла под высоким деревом и, задрав голову, показывала вверх.

Карик подбежал к ней:

– Ягоды? Да?

– Ага! Здесь! Большие!

Валя хлопнула рукой по изогнутому зеленому дереву.

Карик взглянул вверх.

Высоко над землей висели, прижимаясь к стволу, темные плоды, большие, как бочки. Полные сочной мякоти, они при-таились в тени длинных и узких листьев.

– Ну? – сверкнула глазами Валя.

– Что «ну»? Вперед! – крикнул Карик, бросаясь к дереву.

Обхватив ствол руками и ногами, ребята полезли вверх, не спуская глаз с темных плодов, – сначала Карик, а за ним Валя. Ствол слегка покачивался, листья дрожали. Внизу, под обрывом, шумела и пенилась река.

Валя взглянула вниз.

– Ох, если свалимся – беда! – сказала она.

– Лезь! – крикнул Карик сверху. – Не свалимся!

Проворно перебирая руками и ногами, они добрались наконец до заманчивых плодов.

Карик протянул руку, и вдруг в глазах у него потемнело. Руки разжались.

– Ты что? – поспешно спросила Валя и в ту же минуту почувствовала оглушающий шум в ушах. Голова у нее закружилась.

Взмахнув руками и перевернувшись в воздухе, ребята стремительно полетели вниз, в быструю, бурную реку.

Сильное течение подхватило Карика и Валу и, швыряя о камни, понесло вперед к грохочущему водопаду.

Глава седьмая

Бой в подземелье. Животные с ушами на ногах. Необыкновенный лес. Иван Гермогенович становится пилотом. Неожиданная встреча

Иван Гермогенович сидел в норе. Когда глаза его привыкли к темноте, он увидел в глубине черной пещеры огромную голову с длинными усами.

– Ну и гусар! Кто же это такой? – пробормотал растерянно Иван Гермогенович.

Голову и переднюю часть туловища прикрывал широкий

выпуклый щит. Из-под щита высовывались зубчатые лапы, короткие, но очень широкие.

Профессор сразу понял, что бороться с подземным животным ему не под силу. Оно убьет его одним ударом лапы. Но все-таки Иван Гермогенович решил защищаться. Он прижался спиной к холодной, сырой стене подземелья и выставил вперед осиное жало.

Животное зашевелилось. Большое жесткое тело, словно составленное из широких костяных колец, задвигалось. Со стен пещеры с шумом посыпалась земля.

«А что, если напасть на него сзади?» – подумал Иван Гермогенович.

Но и сзади животное было неуязвимо. Два перепончатых крыла, сложенные вместе, прикрывали туловище крепкой броней.

– Но кто же это? Кто?

Профессор приподнялся на цыпочки, вытянул шею и вдруг с ужасом увидел две пики с острыми шипами, которые волочились по земле, как два хвоста.

– Подземный сверчок! Медведка! – прошептал Иван Гермогенович.

Медведка шумно ворочалась в подземелье, разгребала лапами землю и подвигалась все ближе и ближе к профессору.

«Питается личинками насекомых, земляными червями, – вспомнил профессор, – значит, сожрет и меня».

Беспомощно оглядываясь по сторонам, Иван Гермогено-

вич начал осторожно отступать в темный угол пещеры, стараясь держаться как можно дальше от медведки.

«Надо обойти ее!» – подумал профессор, пробираясь вдоль стены в тыл своего врага.

Медведка повернулась. Она повела усами, точно принюхиваясь или прислушиваясь.

Профессор затаил дыхание.

Медведка опустила усы и, неуклюже загребая лапами-лопатами, кинулась прямо на профессора.

Иван Гермогенович помчался назад и стал на старое место.

Нет! Не так-то легко обмануть медведку под землей. Ведь она здесь чувствует себя как рыба в воде.

Нет! Не убежать! Надо драться!

Иван Гермогенович остановился и, решительно вскинув копые на изготовку, приготовился к бою. Он отступил назад. Локти его коснулись стены, и тут он внезапно почувствовал под локтем пустоту.

Он проворно повернулся. Прямо перед ним зиял вход в широкую темную нору. Профессор перевел дыхание.

Куда ведет этот тоннель? Кто вырыл его? Не скрывается ли здесь новая опасность? Но об этом сейчас некогда было думать...

«Спрятаться, уйти, зарыться глубже в землю!» – мелькнуло в голове профессора, и он не раздумывая юркнул в нору.

Спотыкаясь и ударяясь больно о камни, Иван Гермогено-

вич стал пробираться в полной темноте, ощупывая дорогу руками.

Тоннель оказался длинным. Он то спускался вниз, то поднимался вверх, то поворачивал вправо, то круто уходил влево и становился все уже и уже.

Приходилось низко нагибаться, а кое-где даже ползти на четвереньках, волоча за собою копьё.

Но все это были пустяки. Со всеми этими неудобствами профессор готов был примириться. Он согласен был ползти целый день даже на животе, только бы уйти от проклятого сверчка! Только бы спрятаться куда-нибудь!

Но казалось, уйти от медведки невозможно.

Она шла по горячим следам неотступно, и профессор ясно слышал за собой нарастающий шум погони. Лишь только Иван Гермогенович проскользнул в тоннель, медведка остановилась, пошарила усами по стенам пещеры и замерла, как бы раздумывая: куда же скрылся этот странный и такой проворный червяк?

Усы медведки беспокойно задвигались. Они ощупывали пол, стены, потолок и вскоре обнаружили вход в нору.

Медведка просунула туда голову, тяжело задышала.

Тут он, что ли?

Она постояла немного на месте, постукивая лапами, а потом решительно втиснула свое громоздкое тело в нору и, быстро загребая землю, поползла по тоннелю.

Медведка продвигалась, как горячий гвоздь в куске сли-

вочного масла. Она шла, пробивая своим телом рыхлую землю, буравя ее с непостижимой быстротой.

Профессор услышал позади, за своей спиной, прерывистое дыхание, и вдруг на плечи его опустились жесткие усы медведки.

Они ощупывали его, скользили по лицу, по рукам.

Иван Гермогенович вскрикнул. Быстро повернувшись, он ударил копьём по усам и полез дальше.

Неровные стены узкого тоннеля больно царапали бока, плечи, локти. Тоннель стал таким тесным, что Иван Гермо-

генович с большим трудом подвигался вперед.

От плесени и сырости дышать было трудно. Профессор обливался потом. Сердце его стучало. Руки и ноги дрожали.

Чем дальше, тем труднее было пробираться по тесному подземному коридору, но профессор уже не слышал за спиной прерывистого дыхания медведки. Она осталась где-то далеко позади, и теперь Ивану Гермогеновичу казалось, что он ушел от погони.

Упираясь в землю локтями и коленками, профессор полз, напрягая все силы, тяжело дыша, еле сдерживая кашель. И вдруг перед ним выросла стена земли. Дальше хода не было.

Тоннель кончался тупиком.

Иван Гермогенович вздрогнул.

«Неужели смерть? Но кто же тогда спасет Карика и Валу?»

Обливаясь потом, он торопливо шарил в темноте, но руки всюду натыкались на плотные земляные стены. Что же делать? Он сидел в норе, как в ловушке. Сзади наступает медведка, впереди – глухая стена. Что можно предпринять в таком безвыходном положении?

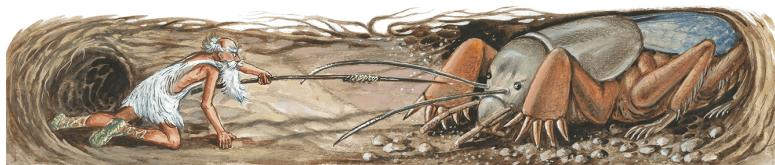
Иван Гермогенович почувствовал, как по телу его поползли мурашки. Руки и ноги похолодели. Во рту пересохло.

– Ну нет, – сказал решительно профессор, – мы еще посмотрим, кто кого. Ты – большое, сильное животное, но ведь я человек. Я буду драться с тобой и буду победителем.

Час назад Иван Гермогенович мог бы раздавить пальцем

медведку, а теперь нужно собрать все свои силы, да и то он не может сказать с уверенностью, чем кончится бой.

Иван Гермогенович повернулся назад и, прижимаясь к плотной земляной стене тупика, выставил вперед копьё.

– Буду бить прямо в нервный узел, под глаз, – громко сказал профессор.

Но тут в голове его мелькнула мысль, от которой он содрогнулся.

«А как же я выйду отсюда, если убью медведку? Ведь она закупорит тоннель своей огромной тушей. Как убрать с пути такое громадное чудовище?»

Думать, однако, было некогда. Все громче и громче нарастал подземный шум. Медведка была совсем близко. Прошла минута, другая.

– Прочь! Прочь! – закричал Иван Гермогенович, размахивая копьём и стараясь криком напугать медведку.

Земля с гулом рухнула. По стенам тоннеля пронесся шорох. Шершавые усы медведки протянулись к профессору, ощупывая в темноте его голову и плечи. Иван Гермогено-

вич рванулся назад и принялся наносить чудовищу по голове бессчетные удары копьем.

– Вот! Вот! Вот! – хрипло кричал профессор.

Медведка не ожидала такого нападения и, пятась, поползла назад.

– Ага! Ага! – закричал Иван Гермогенович, смело бросаясь на врага.

Медведка протянула усы. Профессор ударил по ним наотмашь кулаком и, громко ругаясь, погнал животное по тоннелю. Он не переставая бил медведку по голове копьём, стараясь попасть острым концом в нервный узел. Но вдруг медведка втянула голову под щит, и копьё застучало по роговой крышке без всякого толку.

Чудовище остановилось. Видно, копьё больше не беспокоило его. Профессор понял: битва проиграна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.